

Погода в Левобережье, впрочем, как и во всей православно-католической Молдове, своенравна, характер у неё взбалмошный, непредсказуемый, точь-в-точь как у населяющих регион народов и народностей. Определённую часть времён года она, словно жерло вулкана, бурлит кровью, внезапными приступами неадекватности, алогизмами поступков, необузданностью эмоций, граничащей порой с откровенной неврастенической яростью. Но гораздо чаще, отчего в принципе регион и существует по сей день, преобладает совершенно противоположное: поэтическая лиричность, необыкновенная, с романским темпераментом нежность и щедрая ласковость южанки. Особенно в ясные лунные ночи, когда в прибрежных зарослях сходят с ума соловьи, а в заболоченных затоках концертируют лягушачьи оркестры. Днестр в такие минуты становится волшебником, художником, литератором, гипнотизёром. Не гляди на воду долго, таким же сделаешься. Как оно и стало с живущими на обоих берегах. И так из года в год, из десятилетия в десятилетие, веками.

Но вот однажды в слоях сферы, что повыше, за ненасытными скоплениями облаков, вдруг случаются метеорологические и психологические перверсии, сталкиваются лбами циклоны, антициклоны, разнополярные идеологии, врождённая глупость и человеконенавистничество шовинизма с твёрдым, как гранит, героизмом филантропов и патриотов. Какие происходят баталии! По небу между грандиозных завалов, покрытых жирной копотью, мечутся сплясавшие зигзаги, изрыгающие такой грохот, что в окнах вылетают стёкла. Птицы падают в истерических судорогах, очумев от обиды и страха. Зверьё рефлексивно прячется в норах, пещерах, зарослях камыша и раkitника. Хищники теряют генетический облик, замирают в обнимку с травоядными и, как проклятые, дрожат в предчувствии Апокалипсиса, считая, что во всём виноваты греховные инстинкты, заложенные в них, бедных и несчастных, теми же небесами.

У людей, конечно, кармическая физика гораздо сложнее. В их непогодах участвует космос, из непонятого вещества которого изваяны древние мифологические божества, современные суеверия и наоборот мудрые прозрения талантов. Увы, примирительный консенсус не всегда доступен разумности и реальному времяисчислению, поскольку у каждого сообщества имеется свой цивилизационный код, иногда без труда стираемый трансгенными мутациями. Бывает, вселенную, галактики, Зодиак и прочую космическую канцелярию так переклинивает, что околоземная ноосфера начинает стелать от нехватки квантового запаса, необходимого для воссоздания разумного начала, в питатель-

ном субстрате которого развивается цивилизация гомо сапиенса. Как результат, взгляды на мир у целых народов и даже некоторых стран в значительной степени перекашиваются, и в каком-нибудь из обречённых королевств кривых зеркал начинается цепная реакция интеллектуального помешательства, расшатывания устоев нравственности с последующим грехопадением и, как роковая неизбежность, пролитием крови, единственно приемлемой валюты на рынке обречённого человечества.

Рыбница, уютный, ухоженный городок на левом берегу Днестра, наслаждалась июльской синевой, пронизанной лучистой щедростью южного солнца, которое с превеликим удовольствием ныряло в глубину, до самого илистого дна с притаившимися там судаками, сазанами, сомами, чтобы освежиться, подзаправиться речным прохладным перламутром и после передать бодрое настроение в наследство днестровскому ветру, который разнесёт его по милому для сердца горожан древнему казачьему мегаполису. Рыбничане светились естественными по происхождению улыбками, рождёнными трудолюбием, традиционной жизнерадостностью, весёлыми народными традициями, местными обычаями, обрядами. Но главным на их лицах просматривалось счастливое ощущение уверенности в мирном будущем, так желанном и ставшим почти привычным после двадцати с лишним лет без войны. Дикой, не всеми понятой, кровопролитной, справедливой и одновременно несправедливой. Какая ж тут справедливость, когда убивают не только мужчин, но и женщин, детей, стариков. В угоду дефективному монстру, поселившемуся в недалёких умах, которых по всевозможным, до конца не выясненным причинам покинула отеческая мудрость.

Приднестровцы с достойной решимостью отстаивали своё право на человечность. А это свобода, равенство, братство. Знакомые, иногда кажущиеся избитыми, но всегда святые слова. Кривое зазеркалье так и не смогло перекинуться ни туловом, ни щупальцами через водораздел между разумным и помрачённым. Границу, на протяжении веков обозначенную сверкающей лентой древнего Тираса, всеми любимого в нашем времени Днестра. Так получается, что никому в истории ещё не удавалось завоевать, покорить всё то, что исторически устоялось на левом берегу. Может, секрет в необыкновенной энергосистеме параллели, по которой течёт легендарная река, чьи берега помнят не менее легендарных, явивших именно в этих свобододобивых просторах себя миру гениев.

Вообще, касаясь сорок восьмой параллели, земляне вполне могут рассчитывать на утешительный исход своего психического недуга, при котором доминирующим симптомом фигурирует навязчивое желание уничтожать себе подобных. Молдова, Приднестровье, Запорожье, Донецк и Луганск, французский Орлеан и так далее. Одна параллель. Исторические архивы хорошо помнят прославленную в легендах Орлеанскую деву, Жанну Д'Арк. А при одном только упоминании грозного имени Ивана Серко, незабвенного атамана Запорожской Сечи, некоторые ляхи по сей день покрываются липким потом и молят Всевышнего о пощаде. И, конечно же, днестровские берега помнят того, кто основал города Тирасполь и Бендеры, эти великие крепости, ставшие западным форпостом России, плацдармом на Балканском стратегическом направлении. Кто прославил русское оружие подвигами своих солдат, офицеров именно здесь, в Дикой Степи. Александр Васильевич, граф Рымникский Суворов, гениальный полководец, отеческая наша гордость. Его наука побеждать – это священный канон, это наша слава. Ура генералиссимусу Суворову!!!

И ещё на минуточку... Друзья Людмилы и Руслана, знаете ли вы, где был зачат господин Онегин? Некоторые ретроградные историки утверждают, что Пушкина туда сослали за якобы прегрешения перед российским престолом. «Проклятый город Кишинёв»... Невинная, хоть и объективная шутка гения, послужившая в смутное время девяностых поводом для ненависти реакционного Народного Фронта и последовавшим свержением созданного на пожертвования благодарных жителей Молдавии скромного памятника. Надо справедливости ради сказать, что в данном вопросе современные варвары на каком-то этапе нравственного отупения слегка озарились либо труслили перед Господом. Во всяком случае, провидение вмешалось. Памятник не снесли, а перенесли. С главной улицы в тенистую глубь аллеи писателей. Александр Сергеевич вряд ли обиделся на современных кишинёвских русофобов, ему под сенью платанов знаменитой аллеи, среди собратьев теперь гораздо комфортнее. Не правда ли, домнул Михай Эминеску¹?

Так вот, именно на сорок восьмой, под порывами могучих ветров Буджакской степи, в гениальной курчавой голове сложились первые строки бессмертного романа. Там же написаны «Чёрная

¹ Михай Эминеску (Эминович) – молдавский и румынский поэт-классик, 1850 – 1889. Домнул (молдавск.) – господин. Получилось, что памятники ему и Пушкину теперь стоят рядом.

шаль», «Кавказский пленник», «Бахчисарайский фонтан», сочинено более двухсот стихотворений, проведено бесчисленное множество дуэлей, на которых никто не был убит или ранен, зато выпито целое море животворящего молдавского вина в братских объятиях тех же дуэлянтов и, естественно, красивейших в мире женщин, созданных космосом будто специально для него, нашего Пушкина.

Нострадамус предсказывал, что отсюда, от сорок восьмой параллели, начнёт своё шествие к северу святой дух...

2

Да, тогда было начало июля. Алексей, живо представив цветущие каштаны, орешины с завязавшимися молодыми сладкими орехами, распутившуюся до томления души сирень, сумел выбить отпуск, летом это считалось невероятной удачей, и великодушным позволением супруги, с огромным багажом радостных предчувствий помчался в Рыбницу. Самолётом до Москвы, оттуда уже прямым рейсом в Кишинёв, где в нетерпении фланировал по мраморным плитам просторного, выстроенного в европейских стандартах здания верный товарищ и друг Подольский Иван Олегович. Дядя Ваня, как в шутку окрестил его при знакомстве Алексей, будучи сам старше на одиннадцать лет. Иван по врождённой потребности всегда перестраховывался: не семь, а сто раз отмерит прежде, чем чикнуть ножницами. В аэропорт примчался на своей, относительно молодой, «десяточке» за два часа до прибытия московского рейса. Бывало, Алексей не понимал такой щепетильной предусмотрительности, поскольку сам часто действовал по велению интуитивного порыва, по принципу «кто не рискует, тот не пьёт шампанского». По прошествии времени понял, что Ивана сам Бог ему послал, дабы обуздывать такие порывы. Что в результате позволило обоим не раз выкрутиться из казалось бы безнадёжных ситуаций.

Тискали друг друга в объятиях минут десять, наверно. Под любопытными взглядами пассажиров и полицейских, подозрительно косившихся, но не решавшихся подойти с проверкой документов. Из Москвы всегда прибывали господа с придурью, некоторые могли устроить такой скандал, что мало не покажется. Не девяностые годы. Это тогда молдаване считали себя потомками великих римлян, румынами, сверхчеловеками. Пока не получили сполна. В историю, как сказал классик из Одессы, трудно войти, но легко вляпаться...

– Ну, узнаёшь город?

– Да вроде всё, как и прежде.

– Не скажи, Лёха. Европейская столица. Как тебе аэропорт, впечатлил?

– Есть немного. Так ведь по сравнению с Шереметьевым, конь рядом не валялся. Не те масштабы.

– Зато блестит всё. А какой, пардон, туалет. Автоматика сплошная. Прямо-таки счастье из розового мрамора.

– Ой, я тебя умоляю. Счастье – это не значит просто увидеть розовый туалет, но и успеть до него добежать. Однажды довелось через Хитроу лететь. Вот там аэропорт. Вот там туалет – сплошные нанотехнологии, мысли читают и желания предугадывают. И что характерно, никакого запаха.

– Не понял, ты что, в Лондоне был?

– Говорю же, проездом. В Даллас, к дочери в гости летел.

– А-а-а... Понял. Жена не заревновала? Отпустила?

– Так не молодые уже, чего пустым чувствам волю давать. Да и сам зять настаивал на моём приезде. Он знаешь кто? Профессор! В местном университете преподаёт. А папа его – генерал в отставке. Двухэтажный особняк, две машины, газонокосилка.

– Сколько ж вы с дочерью не виделись?

– Много, дядя Ваня, очень много. Двадцать с лишним лет прошло, как с её мамашей развелись. Дочка – молодец. Ни разу словом не обмолвилась. Кто прав был, кто виноват. Хотела отца увидеть, вот и увидела.

– И как там, в Америке?

– Хе, супер-пупер! Больше всего зоопарк понравился. У них к животным относятся лучше, чем к людям. Мои кошку завели в доме, так сразу на учёт её, зачипировали, не дай Бог сигнал пропадёт, тут же полиция примчится. А если выяснится, что издеваются над бедняжкой, то и посадят. Каждые полгода инспекция приходит с проверкой. Типа, в каких условиях животное проживает. Чуть что не так – под суд.

– Тьфу! Идиотизм какой-то. Помнишь, у меня перед свадьбой, пиратское нападение котов? Мамка с бабулей что-то приготовят, на секунду отвернутся, тут же слямят и сожрут. Восемнадцать диких тварей. Летнюю кухню чуть не разворотили.

– Ну, ты же их тогда накормил...

– А что было делать? Пришлось к знакомому в отдел дезинфекции обращаться. Помог... Выходит, меня на электрический стул?

– Стул не стул, а пожизненное запросто. Ещё понравилось по Техасу на зятевой машине гонять, между прочим «Лексус». Дороги, доложу тебе, надёжные, разметка неубиваемая, ночью светящаяся, удобные съезды, развязки. Водители вежливые, совсем не то, что у нас. Не подрезают, на хвост не садятся, уступают право проезда, каждый раз при этом улыбаются во весь имеющийся в наличии рот. Я умилялся недели две. Потом обрыдло, чуть ли не до изжоги.

– Чего так?

– Представь, идёшь по улице, например, с внучкой, а она капризная, орёт по делу и не по делу, дочь её избаловала нежностями телячьими, бедный зять, замучился воспитывать их обеих, да где там... Так вот, гуляешь себе, по обыкновению психуешь, а навстречу очередной техасец, и скалитесь этак на все тридцать два зуба, будто родственника дорогого увидел, в завещание их впишу, миллиона на два наследства. «Хэлло! Хау ду ю ду? О, бэби, бьютифэл бэби». А бэби надрывается, без матери долго не привыкла, в дугу изгибается в коляске. Никаких нервов, тут ещё эти сердобольные, бэби, бэби... Прямо послал бы куда подальше. И всё так вылизано, ни соринки. Плюнуть некуда.

– Ну, а, допустим, приспичило тебе?

– Типа почирикать? Вообще никаких проблем. И не за угол, как у нас, а в любую кафешку, ресторан, магазин, во всё, что открыто. Повсюду найдёшь вывеску «Рэст Румм». Заходите, будьте так добры, слова никто не скажет.

– Какой такой «Рэст Румм»?

– Какой, какой... мужской и женский. Американцы в данном вопросе достигли совершенства, и это вызывает уважение. Никакого неудобства, ни физического, ни эмоционального. По науке, изящно, эстетично, даже завидно.

– Магазины, наверное, роскошные?

– О-о-о... Торговое дело поставлено вообще на недостижимую высоту.

– Так чего же тебе на душу не пришлось?

– Не покидало, понимаешь ли, ощущение ненатуральности какой-то. Улыбаются, а себе на уме. Однажды пригласил зятёк университетских друзей, профессоров, Ричарда и его супругу Нэнси. На меня что ли поглазеть. Я им борщ сварил, наш, настоящий, со всеми нюансами. А это, как писал ещё один уважаемый одессит, господин Грабовский, уже регата, флотилия в одной тарелке. «Дымящиеся ледоколы картошки взрезают толстые плямы жира. Капустные яхточки гоняются друг за другом, огибая помидорные буйки. Помешивание ложкой вызывает трагедии и кораблекрушение». Им в диковинку, уплетают за обе щеки, расхваливают. Ричард после бокала вина разоткровенничался, поведал, что у Нэнси через несколько дней операция. Я по простоте душевной, вундеркинд с «Привоza», решил проявить участие, начал расспрашивать про самочувствие, когда и отчего заболела, может слишком часть мыла шею? Она вдруг сузила на меня, как на городского сумасшедшего, глазки, резко убрала с лица улыбку. Как будто её переехал велосипед, который топчет асфальт. С какой, говорит, целью интересуетесь? А из-под ресниц так и брызнуло чем-то неприятным, вроде неконтролируемой ксенофобии.

– Да ты что! Вот же ж... В таких случаях батяка мой чётко поучает: бойся козла спереди, коня сзади, дурака – со всех сторон.

– Дочка разъяснила, в Америке не принято о здоровье откровенничать. Типа, это неприлично. Они даже «Мурзилку» не выписывают, представляешь? И во всём остальном у них... Глухой слышал, как немой рассказывал, что слепой видел, как хромой быстро-быстро бежал. Ездили в гости к очередным друзьям, Хэнсону и Патриции. Она дура душой, мечтаю, говорит, совершить путешествие по вашей транссибирской магистрали. Давай, совершай, коли жизнь не дорога. Неделю по пустой тайге и без вооружённой охраны. Говорю дочке, отсоветуй. А то ведь и вправду пойдёт. Хэнсон только головкой седой покачивает и улыбается. Забитый, тихий рохла, но душевный мужик, всё обнимался со мной, когда бурбона выпили. А закуски на столе практически никакой. Орешки там всякие, сыр, пластинами нарезанный, безвкусный. Такая же индюшатиная, будто пластмасса. Я зевать начал. Не понимаю ни

пиша. Они в свою очередь тараторят без умолку, меня словно и нет. Пытался внести разнообразие, пошутил, анекдот рассказал, дочь перевела. Смотрят, глазёнками лупают, никакой реакции. О-о-о, думаю, Задорнов-то прав, тупые они все. Дальше – больше. Оказывается, и соседи со странностями, мелькают тенями, как привидения, сквозь щели в заборе просачиваются, чтоб вовремя разоблачить и полицию вызвать. Дочкины подружки только о деньгах, другое мало что интересует. Да и дочь сама... Как-то американизировалась. Скучно мне там стало до смерти. Домой летел с радостью.

– А мне Кишинёв очень нравится. Макдональдсы открыли. Мы с сыном всякий раз, когда приезжаем, заходим.

– Ну, раз Макдональдсы...

– Смеёшься, да? Над своим же товарищем...

– Да уж лучше пусть над тобой смеются, чем плачут.

– В Рыбнице же такого нет. Культурное обслуживание...

– Надеюсь, и не будет. Фастфуд – отравка. Хотя и вкусная, и культурная. Сплошной холестерин, причём американского происхождения. Или ты слишком быстро водишь машину, чтобы переживать из-за холестерина?

– Не знаю... Нам с Андрюшей так очень нравится.

– Кстати, где сынуля сейчас? Наверное, уже ростом с папу?

– С папу... Папа на него смотрит снизу-вверх, а мама вообще подмышкой уместается. На каникулах он, в Питере у Ленкиной тётушки.

– Думает поступать?

– А как же. Он в компьютерах силён. Программистом хочет стать.

– Дай-то Бог...

– Через полчаса будем в Дубоссарах.

– Молодец, что цветы купил.

– Там остановимся. На кругу, где Юрка Цуркан погиб.

– И Сашка Патергин... И Володя Щербатый... Грекулу Серёге повезло тогда, дубоссарские хирурги утром заштопали, на службу потом вернулся, всё за бок держась ходил. Сколько же лет прошло?

– Двадцать три вроде? Ну да... А словно вчера.

– Как он сейчас, работает?

– Грекул? Та с бандитами связался, сволочь.

3

Не было никакой нужды бороться со сном. Не шёл пока сон. Крыша «гаишной» будки за день, хоть и на осеннем, зато южном солнце, основательно прогрелась. Несмотря на то, что хозяйничал уже декабрь, погода до сих пор оставалась относительно тёплой. Солнце баловало приднестровцев поздними сюрпризами, как будто заранее пыталось умаслить, мол, в чём я-то виновато. Даже не верилось, что через пару недель можно уже готовить новогодний стол.

Тёплая-то тёплая, однако, со спины прихватывало. Пулемёт, если б не поглаживал время от времени ладошкой, наверняка бы уже покрылся инеем. А в будке тепло, спят, бродяги. И ладно. Мужики умаялись, честно отдыхают. Сколько через КПП прошло за день транспорта? Не счастье! Всех ведь надо ошмонать, причём с усердием, проверить скрупулёзно документы, проникновенно в глаза посмотреть, подвергнуть, если потребуется, всевозможным нудностям по профилактике правонарушений. Потрясти, как следует, кого-нибудь умного и доброго. Хотя бы насчёт сигарет.

Курить хочется, прямо уши пухнут. Но чего нема, того нема... Курево по каким-то политико-экономическим причинам стало страшным дефицитом. Исчезло из продажи напрочь и сейчас вот закончилось. Многие, конечно, жадничали, что вполне объяснимо: тотальный дефицит чувствительно ударил по всем категориям граждан. Зато некоторые, прямо вот так взял бы, да и расцеловал, презентовали по целой пачке, а то и по две. Люди, что с нашего, левого берега, исторически уже понимали, кто для них брат, кто сват.

Чего только в их глазах ни читалось. Растерянность, тревога... Надежда на нас, гвардейцев. У иных угадывалось желание стать рядом, с оружием, в едином строю. От кое-кого другого невольно хотелось прикрыться бронезилетом, если б он был, конечно. Бронезилеты – роскошь. Может, во всей гвардии

и есть один, два. Но про то не слышал. Скорей, что нет. Автоматов не хватает, не то, что бронников. Шкурами собственными будем прикрываться. Они у нас уже толстые, пуленепробиваемые.

В большинстве своём население имело позицию, понятно, правильную, приднестровскую. Не фиг тут румынам ловить. Торговать, навещаться туристами – пожалуйста, всегда вам рады. Но не со своим же этническим уставом. С какого перепугу я, конкретный русский пацан, должен вдруг зваться румыном, да ещё их латино-бычий учить язык? И не молдавский, куда ни шло, а «румынеште», мать его так-пере-так!

КПП – он и есть КПП. Пропустят – не пропустят. Наркотики, оружие... Какая крыша не любит быстрой езды? Цирковое шоу. Ни разу ещё никого не поймали. Разве что имбецил или вообще идиот потащит это через гвардейский пост? Обойди целиной метров триста в сторону и тащи, чего хочешь. По запустевшим полям и на «Жигулях» спокойно проскочить можно. Да и ездят, наверно. Так что пограничный наш контроль больше для проформы. Тут дело принципа. Граница необходима хотя бы уже для того, чтобы обозначить собственную несгибаемую волю. Они ведь, с понтом под зонтом, считают здесь всё своей территорией.

С той стороны моста никакого КПП или хотя бы простого шлагбаума молдаване оборудовать не собираются. Тоже показательно. Для чего, мол, в собственном государстве территории метить, тут, как на правом, так и на левом берегах единая и неделимая Румыния. Рождённый ползать везде пролезет. Замполит говорил, вообще до Уральских гор планируют фортеля выкидывать. Бред! Хотя на прошлой неделе разведчики рассказывали, что в непосредственной близости от Днестра, вдоль берега целый укрепайон. И народу нагнали войскового – уйму. В каждом, поди, селе по батальону чалятся. Того и жди, полезут, халамидники. Ничего, у нас у самих батальоны, мы теперича не то, что давеча...

Он вытянулся, улёгшись на спину, закинул под голову руки, уставился в небо. И вдруг улыбнулся. Сегодня тринадцатое декабря, день рождения, двадцать один год, абсолютное календарное совершеннолетие. Даже возгордилось на минутку. На боевом посту, с пулемётом, на самом стратегически важном рубеже обороны. Кто ещё, скажите на милость, таким вот образом чувствует собственную взрослость и возмужалость? Хоть комбат и обещал шкуру спустить, даже за маломальскую «спотыкачку», но как стаканчик не опрокинуть по такому вселенскому случаю? Грех это.

Ребята, конечно, дрыхнут, без задних ног, даже не вспомнил никто. Да и откуда им знать, я же не говорил... А и не только стаканчиком обойдётся. Алкоголь в малых дозах безвреден в любом количестве. Можно будет посидеть основательней. День рождения же. Вино не водка. Оно целительное. Кто не знает? Все знают. Посидим, конечно. А там с дежурства сменят, отпраздную дома по-настоящему. Может и ещё один день рождения нарисуеться? Не сегодня-завтра супруженька родить должна. Вот так вот! Человеческую жизнь продлевает только человеческая жизнь. А у нас даже махорки нет...

По небосклону ползало нечто внушительное, периодически скрывая в чёрном тулове предрасветный месяц, который начал уже стареть и выглядел точь-в-точь как советский серп. Острые концы его задевали лохматое нутро, и оно, то, что ползало вверх, недовольно вываливало месяц обратно. Окрестность при этом покрывалась бледно-жёлтым мерцанием. Каждая былинка, каждый упавший лист, будучи глазурованы заморозком, принимались отсвечивать хоть и бледные, но весьма чувственные лунные лучики. Им вторили звёзды, что прорывались в прогалины. Прямо волшебство. Того и гляди, из Днестра русалки повылезают, начнут вдоль берега хороводить, заманивать зазевавшихся мужичков. Хотя откуда им тут взяться в такой час, мужичкам-то? Русалкам, скорее всего, обломится. Разве что к нам на пост прихороводят? Чешуёй, как жар горя... Впрочем, убоятся комбата. Однажды наш Степаныч так орал, что никаких нештатных баб не потерпит, в самом глубоком омуте слышать было. Но хорошо-то как, братцы, вокруг!

Эхо донесло отзвуки автоматных очередей и несильных каких-то разрывов. Машинально глянув на часы – было около пяти – Сашка некоторое время вертел головой по сторонам. Ничего особенного. Что такое, интересно, громынуло, и где? Словно петарды. К Новому году народ готовится что ли? Вроде тишина опять. А стрельба... Показалось наверно. По воде туман потянулся, вообще все звуки скрадывать начнёт. Или наоборот. Делать неузнаваемо громкими, жуткими, загадочными. Может всё же это русалки плавниками по волнам шлёпают?

Опять месяц показался. Яркий-то какой. Вокруг ореол светящийся. Вот красотища! Нет, определённо, сегодня что-то произойдёт. И что, я вас немножечко спрашиваю? А вот что: у меня кто-то родится. Дочка или сын. Точно, сегодня. Надо будет с утра прозвониться в Рыбницу. Как там дела, в

самом-то деле. Вот радости-то мамке привалит. Давно уже про внуков уши прожужжала. Особенно про внучку. Девочку ей хочется. А мне сына! Наследника, ёлки-палки лес густой!

Сашка мечтательно прикрыл веки. А когда раскрыл, не на шутку встревожился из-за сполохов, что выплывали в туманной дымке на том берегу. Предчувствие, как полковой горнист, заиграло тревогу. Хотя по-прежнему в смутном подлунном пространстве хозяйничала тишина. Кто там у шлагбаума сейчас, Серёга Грекул? Она, тенью туда-сюда маячит. Замёрз, конечно. Шёл бы в будку, погрелся. Тут же ощутил, как самому прихватило подошвы, сапоги ведь кирзовые, на рыбьем меху. Бр-р-р, самый колотун перед утром. Встал, поприседал, помахал руками, подрыгал ногами. Немного разогрелся, кровь по молодым жилам побежала быстрее, запульсировала на висках.

Наконец приободрился, да и веселее сделалось. А то ведь так некстати принялась донимать сонливость. Весь день не спишь, всю ночь не ешь – конечно, устаёшь. Присел на корточки. Поставил пулемёт на сошки, вытащил из вещмешка запасные коробки со снаряжёнными лентами по двести патронов в каждой. Делал машинально, не включая мышление. Организм сам уже начинал изготавливаться к бою. Первому и последнему бою приднестровского гвардейца Александра Патергина, так и не успевшего отметить своё взрослое совершеннолетие и рождение сына.

Они выскочили из тумана уже на половине моста и вскоре подкатывали к Серёге, который прикрывался рукой, поскольку слепило глаза. Автобусы шли с непотушенными, на дальнем свете фарами. Чтобы это всё? Александр припал к пулемёту. Он уже внутренним чутьём понимал, что означает происходящее у засечной черты Серёжки Грекула. А мысли вертелись совершенно не там, где надо бы им в данную минуту. Возникали пустопорожние рассуждения о разгильдяйстве шоферюг, которые не выполняют требования, обязательные при следовании через пограничный пост, и что надо будет записать номера этих нахальных автобусов, доложить комбату, чтобы тот в ГАИ добился наказания, вплоть до лишения прав и компота за обедом. И вообще, у меня сегодня жена рождает, может вот сейчас, в данную минуту. Фары они не выключают... Совсем наглость потеряли, как любит подковырнуть, где надо, где не надо, незабвенный комбат Титаренко Павел Степанович, особенно когда планирует кому-то сделать беременной голову.

Также, совершенно машинально, взял в прицел оба автобуса, передёрнул затвор. Серёга машет им, чтоб остановились, и даёт понять, мол, потушите дальние фары. Подкатывают вплотную. По-прежнему со светом. Это уже не шуточки, граждане нарушающие. Извините, но вас здесь не стояло. Придётся вам делать бледный вид...

Сашка привычно, как на стрельбище, кладёт палец на спусковой крючок. Надо разбудить капитана и милиционера. С ними на посту дежурил из Рыбницкого РОВД Юрка Цуркан, молдаванин. Тут у нас мешанина в национальностях, самая что ни на есть приднестровская символика. Я, по фамилии Патергин, Сашка-Александр, до мозга костей русский. Володя Щербатый – до такого же мозга украинец, хохол стопроцентный. Юрка вон, чистокровный красавчик-молдаванчик. Приднестровье во все своей красе. Узаконено и на государственном флаге размалёвано, а как же. Мы ж все братья! Надо их срочно будить...

Он стал кричать и колотить по крыше каблуками с подковками. Из автобусов, не спеша, уже спустились по сходням крепкие парни в «афганской» форме. Ну, слава богу! А я-то уж было подумал... Это свои, гвардейцы, наша форма. Откуда их чёрт принёс в такое время? И что за стрельба недавно слышалась со стороны Вадулуйского поста? Хотел было крикнуть, чтоб не дурковали и потушили, в конце концов, эти долбанные фары. Но не успел, так как в это время один из офицеров с блеснувшими на плечах звездочками, то ли капитана, то ли «старлея», подошёл к Грекулу вплотную, неожиданно выхватил из кармана пистолет и трижды выстрелил в живот. Серёга упал.

– Етить твою налево! Ах, вы бычьё румынское! Ну, бежите скорее к гинекологу, он вам покажет, чьё ухо болит.

Первым делом Сашке хотелось загасить свет, он стал бить длинными очередями по фарам и радиаторам. Потом перенёс огонь на суетно метавшихся, уродливо вытянутых теней. Успел заметить, как один из нападавших упал. Послышались визги, стоны, матерная на русском языке ругань. Подумалось, от чего же они все, и молдаване, и всякие там узбеки, таджики, кто ещё... туркмены, ругаются исключительно нашим, любо слышать, матом. Свой не понимает так душевно, как русский? Получайте, быки! Недоделанные, самонадеянные потомки легионеров дикой империи с высшим юридическим правом, собственным акведуком и термами. Сейчас я вас пропарю...

Сменил коробку, передёрнул затвор, дал очередь. И снова под его пулями рухнул кто-то. Это было ещё заметно, поскольку одна фара у автобуса оставалась цела. Снизу послышался пулемёт Щербатого. Ну, теперь порядок, весело выкрикнул молодой гвардеец Сашка Патергин, хана вам, и прицелился, чтобы подлить свинца в сторону пытавшихся обойти их будку с флангов внушительной кучей румын. То, что по ним самим лихорадочно бьют из всего имевшегося арсенала нападавшие, он как-то и не слышал. Свой пулемёт, работая на повышенных тонах, глушил остальные звуки. Приклад чувствительно толкал в плечо, порох, сгорая, обволакивал крышу приятным на запах сизым дымом. Окружают, дурачье. На свою же погибель. И ещё очередь по скоплению противника. Не нравится? Заорал кто-то. Получил, чего хотел. Володька молодец, во как отсекает, аж искры во все стороны. Побежали, уроды? Поможем, чем сможем. Не совсем видно, чёрт, обидно, сейчас приподнимусь. Я бесконечно уважаю чудовищный выбор вашего народа, но вот вам, подарочки к моему дню рождения.

Потом стрельба стихла, и ему показалось, что отчётливо слышится крик ребёнка. Бог мой, так это сынишка голос подал. Родился-таки, дорогой. Ура-а-а!!! Ура-а-а!!! У меня сын ро-ди-и-лся!!! «Взвейтесь кострами, си-и-ни-и-е ночи, мы пионе-е-еры, дети рабочих» ... Ре-бя-а-а-та-а-а! Небо-то какое, а? У меня родился сын!!!

Щербатый, когда смолк Сашкин пулемёт, был уже дважды ранен, но отнюдь не смертельно, по-сему пылал яростью и палил, почти не целясь. Юра Цуркан лежал с пробитой грудью недвижимо, и было так чётко ясно, что он убит, что оставалось одно – как можно дороже продать собственную шкуру. По всей вероятности, и Сашок уже... В будку кинули гранату со слезоточивым. Плевать! Он не реагировал. Оставалось ещё немного патронов. Если успею расстрелять, то буду прикладом или вон, топором крошить. Кстати, где топор?

Оглянулся, кинул взглядом вдоль стены, под кровать. Ага, вот он, за тумбочкой. Ну и славненько. Подкрался к проёму окна, чтобы на мгновение высунуться, дать очередь. Услышал топот добротных армейских подмёток, уже где-то совсем близко. Экипировка-то у них отменная. Достал гранату, сдёрнул кольцо. Когда за окном оглушительно громынуло, вскинулся стрелять, и тут же успел разглядеть, как один из уцелевших от взрыва старательно этак целится ему в грудь. Хотелось опередить, расстрелять самому прежде, чем...

Бой на «кругу»¹ длился сорок минут. Оборонявшиеся были в принципе обречены, так как прежде, чем на них напасть, молдавский ОПОН², несмотря на имевшуюся на то время договорённость о разведении сторон и прекращении каких-либо боевых действий, среди ночи совершил рейд, подкрался по садам, закидал слезоточивыми гранатами пост у Вадул-луй-Водэ³, обстрелял дежуривших там гвардейцев, убив одного, восьмерых ранив. Двадцать два человека тогда попали в плен. Какие пытки, издевательства им предстояло вынести! Многие не смогли после освобождения встать на ноги из-за полученных увечий, многие умерли спустя несколько лет.

Одетые в «афганку» советского образца румыны – а румынами тогда называли всех, кто воевал за правый берег, даже русских, состоявших на службе в армии Молдовы – действовали стремительно, по заранее отработанному плану. Гвардейцы же в силу слабой подготовленности – а как и когда им было готовиться, форму получили, и вперёд – боевое охранение не выставили, боевой расчёт произведен не был на обоих постах. Подразделение капитана Владимира Щербатого действовало в тесном, не позволявшем вести интенсивный огонь, помещении поста ГАИ. Если бы не мужество Александра Патергина, в то злосчастное утро уже двадцати одного года от роду, соединившимся с остальными аналогичными группами румынам удалось бы безнаказанно проникнуть в центр Дубоссар, захватить врасплох гвардейские казармы, уничтожить личный состав, отвоевать, таким образом, оперативный простор. Да и мало ли чего могли изуверы тогда натворить!

Сорокаминутный бой на «кругу» всполюшил Дубоссарский батальон, дал ему время сгруппироваться и нанести ответный удар. Натолкнувшись на сопротивление гвардейцев, «опоновцы», потеряв на «кругу» убитыми четверых и более десятка ранеными, после затяжного боестолкновения на городских окраинах убрались восвояси.

Сейчас при въезде в Дубоссары на знаменитом посту ГАИ, по старой привычке так и называемом «кругу», установлена Стела, на гранитной плите выбиты имена: Патергин Александр Нико-

¹ Круг – транспортная развязка перед Дубоссарами.

² ОПОН – отдел полиции особого назначения.

³ Вадул-луй-Водэ – пограничный с ПМР город-курорт Молдовы на правом берегу Днестра, в 23 км от Кишинёва.

лаевич, Щербатый Владимир Васильевич, Цуркан Юрий Иванович. Русский, украинец и молдаван. Им постоянно приносят букетики. А когда подходят памятные даты – заваливают венками и цветочными гирляндами.

У наблюдателя рядового гвардии Патергина тринадцатого декабря, в день его собственного рождения и гибели, родился сын. Спустя годы, когда устанавливали Стелу, Александр-младший, скажет корреспонденту:

– Я всегда гордился, сейчас горжусь, и навечно буду гордиться своим отцом, что грудью встал навстречу врагу. Мы с ним, к сожалению, ни разу не встретились и не виделись никогда. Понятно же... Но я его так люблю! И мама. Она и замуж не вышла. Потому что у них с отцом была необыкновенной силы и красоты любовь! А их, нацистов, мы всё-таки победили!

4

– Мне больше всех Сашку жалко, – промолвил в задумчивости Иван. – Надо же, какая судьба: в один день и погиб, и отцом стал. Он такой классный паренёк был. В школе отличник, на заводе в передовиках. Планировал поступать в университет. После войны... А знаешь, в школе, где Сашок учился, дети о нём сегодня сочинения пишут. Так-то...

Когда они подъехали к той самой милицейской будке, вышел молодой совсем лейтенант, отдал честь и почти суровым тенорком поинтересовался:

– Кто такие, товарищи? Попрошу предъявить документы. И Вас, товарищ водитель, и Вас, – он перевёл взгляд на Алексея, на мгновение стусевался, почувствовав во взгляде незнакомца что-то родственное, и, чтобы сгладить ситуацию, добавил, – прошу меня простить, формальность обязывает.

– Ну что Вы, коллега, разве ж мы не понимаем, пожалуйста, – Алексей развернул служебное удостоверение.

– Виноват, товарищ полковник... Здравия желаю! – Лейтенант совсем засмутился и начал было переминаться с ноги на ногу, как вдруг лицо его просияло, он улыбнулся, обнажив ровные белые зубы. – Так Вы из Рыбницкого батальона? Мне сразу Ваши глаза показались знакомыми. У нас дома фотография старая на стене висит, Вы там с моим отцом. Дядя Алексей, верно?

– Пстой-пстой... Отца как, Денисом звали? Точно, казак, ординарец самого Буракова. Вы же с отцом как две капли... Тебя-то как величать?

– Александром. А Вы, я гляжу, к своим ребятам?

– Ну да... Дядя Ваня, давай цветы. Юра Цуркан его другом был. А мы с отцом твоим, лейтенант, добре повоевали в своё время. Он рассказывал, как освобождали российскую войсковую часть в Кочиерах?

– И не один раз, – лейтенант растрогано наблюдал, как Иван Олегович вернулся к машине, открыл заднюю дверцу, взял букет. – Мне иногда кажется, что Александром назвали по настоянию отца, в честь этого парня, Патергина.

В букете было десять гвоздик, они так и засияли в прямых полуденных лучах, отчего на полированной поверхности гранитной таблички с фамилиями погибших гвардейцев заиграли алые и бордовые отсветы, придав общению стоявших у мемориальной Стелы офицеров некоторую возвышенность и даже помпезность, что было весьма кстати в тот момент. Некоторые проезжавшие «Москвичишки», «Жигулята», даже сверкающие цветным лаком иномарки сигнализировали, выказывая тем самым сопричастность к происходящему, одобрение и сочувствие.

Иван достал из кармана пачку «Примы», распечатал, сигареты рассыпал рядом же с букетом. Лейтенант вопросительно поднял на него глаза, но потом кивнул, что понял. От отца слышал об этом нехитром обряде. В окопах ведь так хотелось, даже некурящим, посмолить табачку, который сделался страшным дефицитом. С ума сходили, растирали сухие листья, делали примитивные самокрутки, давились дымом, слёзы лили копчёные, кашляли будто астматики. Которые до войны не злоупотребляли, вообще заядлыми делались. Что за магия такая? Индейцы, вон, также курили всякие зелья, трубки войны и прочая. Духов что ли таким образом призывали? Чтобы помогали в боях. Теперь в дань погибшим обязательно приносили к подножью памятников табачные изделия, кто чего, с фильтром и без, кто-то оставил даже сигару. Но самой популярной считалась «Прима».

– Отец твой, Саня, тоже был героем, – Алексей положил руку лейтенанту на плечо. – Настоящий казак, храбрый, рассудительный, действовал молниеносно, умно. Бил без промаха. Мы с ним тогда столько бычьего уделали, кто б знал. Считать некогда было, но не меньше полусотни.

– Он рассказывал.

– М-да... Ты не забывай, Сашок, и сам рассказывать детям про это. Для них та правда важнее, даже чем нам с тобой. Чтобы росли и знали, небо над головами не само по себе светлое. Мирным его люди делают, такие, как Денис, отец твой, Сашка Патергин, ты, я, дядя Ваня. Как все приднестровцы, россияне, все здравомыслящие люди. Женат-то сам?

– Молод ещё, дядя Алексей. Хотя мамка требует, чтоб о свадьбе задумывался. Девушка есть, она замечательная. Студентка, на дневном в Тирасполе учится, а я, кстати, на заочном, в том же университете. Ей два года осталось, мне три. Вот закончим...

– Но ведь любите друг друга, я же чувствую. Не по-гвардейски как-то, Сашок. Если оно возникло, это чувство святое, надо закреплять всеми средствами. Хрупкое очень, и завистников поди вокруг полно. Чужое счастье коробит некоторых, слабых духом. Могут и напакостить, просто так, из зависти. Так что хватай суженую свою и в ЗАГС. Чем раньше, тем лучше. Матери, небось, внуков хочется?

– Наверное, так и поступлю.

– Кстати, батя где сейчас? Если дома, то мы заедем... – Алексей вдруг осёкся, заметив, как потемнело лицо парня.

– Схоронили в прошлом году. Сердце...

5

Утром 2 марта 1992 года Войсковой атаман Черноморского Казачьего Войска полковник А.В. Кучер «молнией» отправил обращение «Всем! Всем! Всем!»:

«...Верные долгу казачьи воинские формирования, предназначенные для защиты границ нашей Родины и находящиеся на территории ПМР, выступают на защиту народа Приднестровья.

Предупреждаем руководство Молдовы: командование Черноморского Казачьего Войска незамедлительно обратится ко всем казачьим войскам страны с призывом встать на защиту Приднестровской казачьей земли и народа Приднестровья.

Заявляем о том, что вся ответственность за возможные непредсказуемые последствия в этом случае целиком и полностью ляжет на руководство Молдовы».

Был отдан приказ по ЧКВ, и в тот же день по «сполоху» большая группа казаков во главе со своим Атаманом выехала в район города Дубоссары. В составе этой «тревожной» группы под охраной казака Всекубанского казачьего войска М. Вараввы (он будет ранен в тот день) находился и тележурналист российского Центрального Телевидения. Под вечер второго марта, после тяжелого, почти четырёхчасового боя защитники Дубоссар выбили просочившиеся на окраины города подразделения полицейского спецназа – видимо, пришли отбить своих пленных и покарать непокорных «манкуртов». Бой был заснят на видео. Но в программе новостей российские телезрители об этом увидели лишь короткосенский репортаж: так, мол, очередная свара в очередной «горячей точке».

Именно казаки и приднестровские гвардейцы сыграют решающую роль и в разрешении одного из самых позорнейших эпизодов в истории 14-й российской армии.

Второе марта. Лёд на реке по-прежнему крепок. Мороз отступать пока не собирался. Ветры носились по руслу табунами, как дикие мустанги. На Дубоссарском водохранилище для них такая воля предоставлялась, что сметали со льда всё до зеркального блеска. Можно было наблюдать, как рыба ходит. До самого дна просматривалось, особенно в ясные дни. Дядя Ваня, спустя годы, как-то спросил Алексея, что за погода тогда стояла? Не вспомнили. Был мороз, это да. Ветрище. А что на небе, никак не удалось по памяти воспроизвести. То ли хмурило с утра, то ли вперемежку с солнышком. Да и не до погоды им было. По городу, особенно в окраинных районах, шли перестрелки.

После убийства начальника Дубоссарской милиции майора Сипченко Молдова перестала стесняться. Да и не имело уже смысла маскироваться под порядочных. И так стало всё ясно. Быть войне. А наступать они начнут именно здесь, на Дубоссарском направлении. Разведанные подтверждали. Все правобережные сёла и санатории забиты молдавским войском, готовым напасть, раскроить республику на две части и потом без особого труда подмять эти половинки под себя.

За водохранилищем Днестр вдруг извивается ужом, захватывая петлёй несколько сёл, в том числе Кочиеры и Кошницу. Этаким мешок, стянутый бечевой. Солидных размеров выпячивание в молдавскую территорию. Как полип. Сколько крови здесь пролито во вторую мировую и вот теперь! Одни старались удержать плацдарм, другие пытались им овладеть. А ведь в Кичиерах стоял целый полк, на территории которого базировался ещё и отдельный армейский узел связи. Если бы со стороны армейцев было хотя бы шевеление какое-то, хоть один бы зубик показали супостату. Но как будто очумели командующие и их подчинённые, оглохли, ослепли, или может, на них напал понос на всех.

Командир полка зачем-то запретил выдавать на руки оружие дежурным сменам и внутреннему наряду. Караульные также вооружены были только штык-ножами. Якобы согласно приказу командарма и главнокомандующего Бориса Ельцина. Чтобы исключить завладение оружием неформальными военизированными формированиями ПМР. Отчего-то большое количество офицеров находились в командировках, отпусках. Наиболее боеспособные подразделения за пределами военного городка. Их распихали за какими-то мелочными надобностями по колхозам, учебным центрам, да вообще куда угодно, лишь бы подальше. Офицеры между собой поговаривали, что командир давно пляшет под румынскую дудку, выполняя указания Народного Фронта, полицейского руководства и военного командования Молдовы. Очень уж ревностно исполнял приказ о нейтралитете российской армии товарищ подполковник Бацура. Предатель? Наверное, нет. Скорее, искренне поверил в то, что русские – это оккупанты, уничтожившие пасторальную родину, отнявшие иллюзию на европейский достаток и чуть было не лишившие радости капиталистического бытия и будущности в составе великой Румынии. А держава, которой присягал, уже была разбазарена бывшими коммунистами.

Конечно, спровоцировать российскую армию на ответные военные действия означало дать зелёный свет для вторжения румынских вооружённых сил на молдавскую территорию. Но не до такого же цинизма, чтобы втихаря сдать целый полк. В обеденное время, когда основной офицерский состав пребывал вне части. Верили офицеры своему командиру. Не смотря на то, что вокруг да около шныряли всевозможных мастей провокаторы. Сёла были обработаны народнофронтистами идеологически так, что только поднеси спичку, вспыхнут, как порох. Ко всему прочему и Кошницу и Кочиеры нашпиговали волонтерами и агитаторами с бандитскими рожами, которые вырисовывали перед селянами розовые полотна всеобщего изобилия в случае избавления от русскоязычного оккупантства, ставили конкретные цели и задачи. Вот вам войсковая часть, полк, в нём столько имущества и вооружения. Всё надо национализировать. Разграбить, то есть.

Разве об этом войсковая часть 65161 не знала? Бедна была «особистами», разведкой, информаторами? Знала! Всё знала. И, тем не менее, верили офицеры, прапорщики, солдаты своему военачальнику. Воспитаны были так. И не могли свыкнуться с мыслью, что Советского Союза больше нет, Родины, которой служили верой и правдой. Что можно и новому хозяину поклониться, оставив идеалы непобедимой и легендарной, в боях познавшей радость побед, на растерзание мелкопоместной шушвали.

После трёх часов дня по войсковой части 65161 был открыт огонь из пулемётов и автоматов. Националисты, используя удачный момент, переправились по льду водохранилища. Забор в нескольких местах лихо протаранили тракторами. Двести бойцов отряда «Фулжер» ворвались на территорию, имея целью захват вооружения и заложников. Вслед за ОПОНовцами на территорию части вошли около шестисот волонтеров-националистов и активистов Народного Фронта из местных жителей, а также «добровольцев», набранных в ИТУ¹ Молдовы «зэков», за ту «операцию» была обещана амнистия – это установлено. Взломали «оружейки», склады. Было захвачено большое количество автоматов, пистолетов, боевой техники, боеприпасов и спецсредств – срочно всё это вывозилось на ОПОНовском КамАЗе. Началось массовое разграбление имущества части, домов офицерского состава. Несколько военнослужащих, а также членов семей офицеров и прапорщиков были избиты, взяты в заложники.

Большая половина попросту разбежалась. Даже забыли про Знамя. Про Знамя!!! За эту полковую святыню в войну солдаты не щадили жизни своих. Полк разбит вдрызг, ни одного бойца в живых, но если сохранилось Знамя, войсковую часть формировали вновь. И наоборот, когда личный состав цел, боеспособен, а вот Знамя не уберегли, полк расформировывался. Ибо для русского солдата худшего позора, чем утеря полкового Знамени, нет.

¹ ИТУ – исправительно-трудовые учреждения, в простонародье – зоны.

Но Знамя войсковой части 65161 сберечь всё же удалось. Это сделали жёны офицеров. Сами спрятались от обстрела в подвале штаба, а заодно и Знамя схоронили. Низкий поклон вам, сударыни. Оказались достойными священного звания: Жена Русского Офицера.

6

Приднестровцы в спокойствие давно не верили, их обманывали уже не раз. Готовили позиции, стаскивали железобетонные блоки на дороги, бросали ковши для разлива стали – своеобразные бронеколпаки – на обочины, обшивали металлическими щитами с бойницами инженерные машины, называя самодельные броневики «Аврора», «Кит», «Медведь». Надеялись успеть подготовить оборону на случай наступления с правого берега, в чём мало сомневались. Хотя приднестровские и молдавские политики постоянно вели переговоры, но все соглашения почему-то заканчивались ультиматумами и обострением обстановки.

Алексей, тогда ещё только капитан, со своими бойцами прибыл в Дубоссары вскоре после взятия полицейскими и волонтёрами войсковой части в Кочиерах. Он живо себе представил там происходящее. Растаскивают всё, что под силу вынести, громят склады, вскрывают комнаты для хранения оружия. Однако пикантность ситуации заключалась в том, что бандиты малость просчитались. Они забыли про армейский узел связи, который располагался на территории полка.

Когда началась пальба, работающие на узле связи люди, в том числе женщины-военнослужащие, очень быстро сообразили, что к чему и как надо поступать. Связисты – народ особый. А их там было ни много, ни мало, целый отдельный батальон. Правда, на ту пору от батальона осталась хорошо, если рота. Да и в роте насчитывалось всего-то шесть офицеров, десятков солдат и несколько связисток. Тем не менее, это были высокообразованные, великолепно подкованные в строевом отношении, приученные к беспрекословному исполнению требований воинской дисциплины и Присяги люди. Привыкшие к работе с секретными документами, в связи с чем неоднократно ранее проверенные соответствующими службами, особыми отделами. Короче, народ не простой. Вышколенный. В том числе и по вопросам, как действовать в случае нападения на узел.

Мгновенно были перекрыты входы-выходы. Подключены все средства инженерно-технического обеспечения охраны. В наиболее ослабленных местах периметр тщательно минировали. Стены зданий имели соответственно толщину вдвое, а то и втрое большую, чем в казарме. Не всякой пушкой пробьёшь.

Сотрудникам сразу же было выдано личное оружие, с которым все великолепно умели обращаться. Девушки в том числе. Дежурная радистка немедленно связалась с дежурным офицером четырнадцатой армии, сообщила о налёте. Был доклад командующему. Генерал Неткачев, не долго морща лоб, приказал не вмешиваться. Девчонка-радистка вначале подумала, что ослышалась. Просила подтвердить. Ей подтвердили. Она заплакала. Чувство обиды захлестнуло юную душу, перевернуло в какие-то доли секунды с ног на голову мировоззрение, в коем основной прерогативой присутствовало чувство долга перед Родиной, офицерская честь и верность Присяге. Человек, перед которым трепетали, как перед всевышним, их славный генерал, вдруг оказался предателем и трусом.

Она сквозь слёзы стала вызывать Дубоссары. И там услышали отчаянный призыв о помощи. В те смутные времена многие генералы подражали московским политикам, этим продажным марионеткам, которые дружно, в один голос приветствовали развал страны. Язык не поворачивается называть их русскими генералами. Дешёвое номенклатурное дрянцо. Но казаки и приднестровская гвардия безучастными не остались. Именно там, в Приднестровье, жило и боролось с врагом самое на ту пору русское. Доблесть и отвага, смелость в принятии решений, «ум, честь и совесть нашей эпохи», как на советских плакатах разъясняли про коммунистов. Что ж, некоторые и в самом деле были коммунистами. Только настоящими, такими, что в бой идут в первых рядах.

К военному городку подъехали часов – около шестнадцати. Имелось некоторое тактическое преимущество. Нападавшие пребывали в эйфории безнаказанного грабежа. Таскали и таскали. Всё, что под руку. Простыни, наволочки, одеяла, тумбочки. Кто-то вынес несколько солдатских кроватей из казармы, в хозяйстве всё сгодится. Тут же громоздились набитые под завязку баулы и мешки. Охапками, словно дрова, пёрли автоматы. Поэтому приднестровцев не сразу заметили.

Помимо казарменного, растаскивали имущество проживавших в городке семей, которые были согнаны в штаб полка, где содержались под дулами автоматов как заложники.

Алексей со своими людьми, гвардейцы разведвзвода дубоссарского батальона под командованием лейтенанта Гавриша и казаки следовали за российским прапорщиком, у которого в полку оставались подчинённые. Прапорщики всё знают, самые потайные лазейки. Этот вёл гвардейцев уверенно, даже слишком. Приходилось сдерживать, чтоб заранее не светиться. В пустынном малоприметном месте перемахнули через забор. Попали на небольшую аллею. И гуськом-гуськом по ней до одной из казарм, которую бандиты не успели ещё распотрошить.

Волонтёр, стоявший у входа, видимо, часовым, получил прикладом по лбу. Другого, что караулил у дверей Ленинской комнаты, просто связали, предварительно подсветив ему фиолетовыми полутонами фотокарточку. В просторном помещении, где замполитами обрабатывались мозговые ткани советских рекрутов, понуро сидели, размышляя о бренности жизни, около двадцати рядовых, прапорщик, майор-медик и несколько младших офицеров.

Вскрыли склад НЗ и «оружейку». Слава Богу, огнестрельного добра и к нему боеприпасов много. Просто завались. Эти трофеи, господа армейцы, извините, наши. Да и те, что сейчас растаскивают мерзавцы в фуфайках, волонтёры так называемые, тоже постараемся отбить. Помимо «калашей» в оружейной комнате нашли несколько десятков ручных гранатомётов, мин, а также пару ящиков с аппетитными «лимонками»¹.

Алексей и с ним двое гвардейцев совершили вылазку к штабу. Охрану сняли без шума. Заложников, это в основном были жёны, дети, вывели через тыльную дверь и вдоль забора незаметными вернулись в казарму. Решено было женщин с детьми укрыть в подвальном помещении, где имелась просторная комната, оборудованная под НЗ, в которой был и туалет, и умывальник.

Быстро распределились по этажам, заняли позиции у окон. Вход в казарму заминировали. Один из волонтёров всё же заметил в окне казака и принялся истошно верещать. Наконец орда всполошилась. Кинулись через плац взбесившимся табунком. Разве что искр из-под копыт не летело, асфальт был в снегу. На что, интересно, рассчитывали? Взять с ходу? За просто так? Совсем спятили от дармовой наживы.

– Воши! – презрительно прошепелявил дубоссарец, притаившийся рядом с Алексеем. Он целился и собрался нажать спусковой крючок. «Батя», так величали казаки своего атамана, опередил всех. Показалось, что его автомат не просто бьёт длинными очередями, а очень громко, просто нечеловечески громко, материт весь белый свет. Бойцы тут же присоединились. Поднялся грохот, от которого посыпалась штукатурка. ОПОНовцы вскоре опомнились, открыли ответную стрельбу. Потом волонтёры, благо оружия и патронов у них также было не занимать. Расстреливали казарму, будто поливали из пожарных брандспойтов.

Алексей крикнул дубоссарцу, чтоб не торчал на одном месте, маневрировал от одного окна к другому. Сам носился по этажу, как угорелый. То же вытворял и «батя». Дубоссарец больше прятался за выступы стены, палил реже, но непременно с попаданием, не забывая при этом громко вести своеобразный кинологический подсчёт:

– Есть, сука, один! Есть, сука, второй...

От выстрелов помещение густо заволакивало пороховым дымом, который, впрочем, не задерживался. Гулял сквозняк, ни одного ведь целого стекла не осталось. И стены посекло, и потолки. Даже по лысине Михаилу Сергеевичу попало. Горбачёв, как и на всех своих официальных портретах, загадочно, с улыбкой Джоконды, строил глазки. Правда, на лысине не видно было фиолетового пятна. Художник по прихоти партийной цензуры лишил первого президента СССР репрезентативной подлинности. Зато её восстановили ОПОНовцы. А может, волонтёрский автомат оказался более метким. На месте, где в жизни у Михаила Сергеевича это самое пятно располагается, отчего старушки возвеличили его Михаилом-меченным, зияло несколько пулевых отверстий. И тут же на холсте крупными буквами: «Перестройка для нашей страны и для всего мира!»

Алексей мельком взглянул и в сердцах сплюнул. Подумал, кто из них большая сволочь – те, что внизу атакуют, или же этот, с дырявой лысиной. Атака захлебнулась. Украдкой выглянул. Двадцать, не меньше, кто в фуфайках, кто в камуфляже, отчётливо были видны на снегу, не смотря на спускавшиеся с хмурого небосклона сумерки. Напряжение росло. Если станут бить гранатомётами, то... Впрочем, тогда уже и не будет никакого «то». Однако ни одного выстрела из гранатомёта не было произведено. В тех казармах, что захватили враги, не оказалось этого грозного оружия.

¹ «Лимонка» – жаргонное название осколочной гранаты Ф-1

– Ага, паскудники, – подал голос атаман, – окружают. Прямо как плесень грибовая. Ну-ну... Поглядим, чего оно им дать. Денис, вроде телефон?

Действительно, из ротной канцелярии, словно благовест, раздалась трель. Потом ещё. Полицейские милостиво предложили сдаться. Хотя бы российским военным покинуть часть. Даже обещали их вывезти. Какой-то старший лейтенант, Алексей потом не мог вспомнить имени, построил солдат, как положено, скомандовал: «Равняйся. Смирно!». Обратился с краткой речью, в двух словах охарактеризовав момент, и предложил:

– Кто желает покинуть полк, выходи из строя. Кто желает принять бой, остается со мной.

Дубоссарец тронул Алексея за руку:

– Видал? Наш парень. Интересно, кто выйдет? Шли бы все, пацаны ведь.

– А ты сам-то? Давно старый?

– Давно. Как наш пост на круговой развязке расстреляли. Фёдор...

– Алексей. Вот и познакомились. М-да... Смотри-ка шестеро вышли.

– Думаешь, выпустят?

– Выпустят. Не до такой же степени наглости дошли, чтобы армейцев гасить.

– Пёс их знает. Взяли же детей и беззащитных женщин в заложники.

Осталось восемнадцать солдат, два прапорщика и майор медицинской службы. Покинуло полк только шесть человек. После их ухода обстрелы казармы возобновились. Осаждённые метко отвечали. ОПОНовцы пытались прорваться к входным дверям. Тренированные, ничего не скажешь. И смельчаки среди них были отчаянные. Пришлось половине бойцов спуститься на первый этаж, отсекал самых нахальных, что лезли в оконные проёмы.

Постреляв напоследок с высоты длинными очередями, подался на низ, и «батя» с рослым, жилистым Дениской. Вскоре этаж заполнился сочными междометиями, сдобренными оригинальными инвективами¹ донского посла.

Иногда стрельба прекращалась на некоторое время. В любой драке нужна передышка, пусть хоть малюсенькая. Хотя бы раненых перевязать.

– Э-э-эй, казачки! – Послышалось из-за плаца. – Не хотите сдаваться, не надо. Всё равно вам деваться некуда. Пустите до нас доктора. Знаем, что там он. Э-э-эй, товарищ майор! А, товарищ майор? У нас много раненых.

– Пойду я, – военврач подполз к Буракову. – Мой долг...

– Долг? Ну что ж, коли долг, то давай, – атаман с сомнением покачал головой. – Раненых у них действительно должно быть на целый санбат.

Майор-медик решительно поднялся, приблизился к проёму окна:

– Я начальник медицинской службы полка. Сколько раненых?

– Приходи, майор, сам увидишь, – в голосе, что отвечал, не чувствовалось ни сарказма, ни враждебности.

– Хорошо, а медикаменты есть?

– Индивидуальные аптечки только. Ну, и перевязочные пакеты.

– Выхожу. Не стреляйте.

– Мы-то не будем. Бандиты приднестровские не начали бы.

– Кончайте херево пороть, придурки! – рявкнул в сторону неприятеля «батя». – А то будет вам и доктор, и кофе, и кава с чаем. У нас тоже раненые имеются.

Военврач копался с медицинской укладкой ещё несколько минут, пока обе стороны вели «переговоры на дружеских тонах». Потом встал и пошёл себе через окно. Дверь-то заминировали.

А ещё минут через десять опять стрельба, возобновились атаки. Обстановка продолжала накаляться. Закопчённые гильзы устлали казарменные полы сплошным приглушённо латунным буртом. Бойцы отгребали их сапогами, ругались. И стреляли, стреляли. Ротный боекомплект позволял не экономить.

Ведя огонь по вспышкам выстрелов в противоположных казармах, Алексей заметил, как сбоку метнулась группа ОПОНовцев. Или волонтёров. Сразу было не разобрать. Как раз к тем окнам, где никого не было.

– Фёдор! Прикрой окно. Есть граната? Да быстрее же!

¹ Инвектива – обличительная речь, брань

Дубоссарец опрометью кинулся к дальнему окну, на ходу вытаскивая из-за пазухи Ф-1. Несколько гвардейцев и казаков поползли туда же. «Батя», рискуя поймать свинец, высовывался и бил длинными очередями. Фёдор уже сдёрнул чеку, замахнулся. Всё происходило в доли секунды. Кто-то из нападавших, словно предугадав замысел гвардейца, дал длиннющую очередь в проём. Пуля раздробила гвардейцу предплечье, рука повисла. Хотел бросить гранату на пол за угол. Но там уже лежали и стреляли бойцы. Рядом стоял подскочивший на подмогу атаман. Фёдор поджал руку под себя, навалился телом...

В каптёрке нашли мешки. В один из мешков с почерневший лицом Дениска складывал фрагменты тела Феди. Другими мешками прикрыли забрызганные кровью подоконники и пол. «Батя» некоторое время стоял оглушённый, без всякого движения. Стрельба усилилась. Их опять атаковали. Казаки швыряли в проёмы гранаты. От дыма сделалось темно.

– Спас меня....

Услышав голос атамана, Денис обернулся:

– Чего, батя?

– Я бы... Я бы...

И вдруг сорвался с места и пропал куда-то. Но тут же вернулся, таща за шкуру волонтера в фуфайке. Поставил на ноги, да как саданёт промеж глаз. Волонтер схватился за голову, затрясся. Батя снова его за шкуру:

– А ну глянь сюды, пакостник. Мешок видишь?

Дениска в этот миг бережно укладывал оторванную, изуродованную взрывом голову погибшего дубоссарца. Было заметно, как у волонтера задёргалась нижняя губа.

– Видишь, мил человек?

– Д-д-да, вижу.

– Там лежит герой, понимаешь?

– Понимаю.

– А вот из тебя героя не будет уже, мил человек.

Дениска, увидев у «бати» каким-то образом оказавшийся в руке окровавленный мешок, может с подоконника сдёрнул, кинулся на перехват:

– «Батя», не надо, ты что! Зачем это ты?

– Уйди, не посмотри, что ты мне друг, – глаза у Буракова налились кровью.

Казаки хорошо знали подобные симптомы. В такие минуты лучше близко не подходить. Мешков ещё много вон. Хватит на всех сердобольных.

7

Сумерки переросли в темень. Такую плотную по консистенции, что казалось, даже пули не пробьют. Ни огонька, ни вспышки. Никто не решался закурить. Ни с этой, ни с той стороны. Страшно. Темень и тишь. Послышались шаги, хруст битого стекла.

– Мужики, спокойно, это я, доктор. У нас раненые есть?

– Убитый имеется. Двое, один не наш. А раненых нет, – прошептал Денис. – А как там?

– У них похуже. Тяжёлых несколько. Объясняю, в больницу бы их. Боятся. Подождём, говорят, утра.

– А, понятно, – логически размыслил Алексей, – до утра, значит, нам передышка.

– Правильно морокуешь, гвардия, – отозвался, словно волкодав прорычал, Бураков. – Значится так, господа казаки-гвардейцы. По периметру выставить посты, лестничные проёмы до этажа тоже заминировать. Остальным закутаться в собственные кишки и спать. Как настроение, парни?

– Да так, ничего, батя...

– Доктор, спирт есть?

– Га-га-га...

В шесть утра гроыхнуло. Кто-то с перепугу да спросонья швырнул за окно гранату. Видать угодил, раздались душераздирающие крики. Потом гроыхнуло уже в казарме, стало распознаться удушье. Люди принялись чихать, кашлять, сопливить, не говоря о слёзах, что потекли градом.

– Атаман, это гранаты со слезоточивым, – пытался перекричать начавшуюся трескотню Алексей, – в роте должны быть противогазы.

– Есть! Есть противогазы, – радостно вопил из оружейной комнаты сообразительный Дениска, растирая лоб, которым приложился сослепу в сварную арматуру входной решётки.

Через несколько минут обороняющиеся превратились в «слоников». Противогаз от слезоточивого газа – защита надёжная. Нападавшие ошиблись в своих гениальных планах и расплатились ещё десятком трупов. Приднестровцы сдавать казарму не собирались. Расхищение имущества полка и мародёрство прекратилось, так как все подступы к складам и ДОСам¹защитниками простреливались.

Одному из гвардейцев пуля угодила в ногу, ниже колена, изорвав икроножные мышцы. Врач наложил жгут, перевязал.

– В больницу бы его, – обратился он к атаману, – оперировать, иначе никак. Жгут долго держать невозможно. Снимать – кровью истечёт. Да и хирурги, если затянуть с этим делом, ногу не спасут. Что-то необходимо придумать.

– Та есть мысль. Говоришь, они тебе зелёный свет обещали? Ходи, мол, куда хочешь, лишь бы помощь оказывал?

– Ну, в принципе, да.

– Так вот, надо переодеть. Ну, хотя бы, вон, в того прапорщика. Они же не будут препятствовать вывозу российского раненого.

– Это идея. Схожу-ка, поговорю. Переодевайте.

Размахивая белым флагом, доктор перемахнул через подоконник и направился к полицейским. Минут через пятнадцать вернулся.

– Они как раз раненых отправляют. Берут и «прапорщика».

– Не говорили, куда?

– Не в Дубоссары, это точно. Между собой шушукались про Новые Анены.

– Ладно, не помирать же здесь. Когда наши подкрепление подкинут, точно неизвестно. Если вообще подкинут. Ну, шо там? – «Батя» повернул голову в сторону охов и вздохов. Процедура переодевания оказалась для бедолаги настоящим испытанием, ибо малейшее движение вызывало адскую боль. Под глазами тёмные круги, волосы взмокли от пота, лицо, как полотно, белое. – Слышь, «эскулап», у тебя точно спирта не осталось? Сил глядеть нету, как страдает.

– Ладно, найдём. У меня шприцы в спирте.

Он извлёк из медицинской сумки футляр-стерилизатор. Половину жидкого содержимого слил в мерный стаканчик. Сказал, чтоб принесли воды запить. Через пять минут раненый уже пытался шутить. Ему дали закурить. Решали, как быть с удостоверением личности. Прапорщик несколько отличался обликом. Если начнут сличать фотокарточку с оригиналом, могут заподозрить. Тогда точно вместо больницы на пилораму отправят. Решили слегка припачкать кровью. Вроде получилось правдоподобно. Ну и с Богом, подытожил атаман и обнял обоих: раненого и доктора.

Спустя месяц или где-то больше, Алексей с этим гвардейцем встретится в Дубоссарах. Действительно, их вывезли санитарной машиной в Новоаненскую больницу, в которой был развёрнут самый настоящий госпиталь. Раненых везли десятками, а в какие дни и сотнями. Хирургические отделения и морги работали с перегрузкой. Гвардейца прооперировали в тот же день. Хирург оказался весьма доброжелательным, внешне симпатичным, лет сорока. Аккуратные усы, военная причёска с короткой стрижкой и ровной окантовкой. Ногу штопал под местным наркозом. Всё шутил. Под конец наклонился к уху, прошептал:

– Что-то ты на русского прапорщика не очень похож. Смотри, в палате не болтай, там всяких разных наложили.

И ещё гвардеец рассказал, что к хирургу тому обращались «домнул колонел-локотенент²». Спустя несколько лет Алексей с этим подполковником встретится на Севере, в той же конторе, в какой служил сам. Они подружатся и о многом будут часами разговаривать, вспоминая. Потом оба станут полковниками, будут верой и правдой служить матушке России, воевать за неё на Северном Кавказе, рисковать, как положено, здоровьем, порой и жизнью во имя офицерского долга, а также неоднократно выручать друг друга в любой опасности или неприятности.

¹ ДОС – дом офицерского состава.

² «Господин подполковник» (молдавск.)

Видя своё поражение, противник предпринял информационную диверсию. После доклада командира БПСН¹ подполковника Гомурарь, из Кишинёва в Москву полетело срочное сообщение о том, что полк ГО захватили и разграбили гвардейцы. Это сообщение было растиражировано «независимыми» газетами и пущено в эфир – «демократическая общественность России» была просто возмущена «наглостью и коварством приднестровских сепаратистов»... Вот только после этого командарм Неткачев и проявил достойную императора Нерона активность – потребовал от командования республиканской гвардии прекратить бесчинства, вернуть похищенное оружие, военное имущество, и вывести свои подразделения с территории части!!! Командир разведвзвода после минутного душевного смятения пробубнил под нос: «Жлоб», и не без ехидства в голосе доложил, что не может, дабы отвести провокационное обвинение, выйти из городка из-за постоянных на него атак, что его бойцы блокированы ОПОНов, и что в случае его прорыва через боевые заслоны «полицаев» он точно уже не сможет обеспечить прикрытие семей военнослужащих, которые сейчас у него под защитой.

Прибывших на место «ЧП» для разбирательства начальника штаба 14-й армии генерал-майора В. Ситникова и двух полковников оперотдела хитроумный ОПОН встретил предупредительным огнём и продержал на земле под обстрелом почти полтора часа. Переговоры были сорваны. Ситуация позже вроде бы и прояснилась. Но Неткачев пообещал, что как только гвардейцы выйдут из городка, он тут же возьмёт воинскую часть под свой контроль.

Командование республиканской гвардии ПМР в этих условиях, видя бездействие и преступное равнодушие российского командарма, решило для оказания помощи окруженным гвардейцам срочно направить в Кочиеры подразделения 1-го батальона гвардии с задачей обеспечить их деблокирование, вывести из городка всех российских граждан. Около 14 часов третьего марта к полку ГО прорвались и казаки, прибывшие на двух автобусах. Поставленная задача была выполнена. Прикрывая собой, гвардейцы и казаки под огнём выводили женщин, детей, безоружных российских солдат и офицеров в безопасную зону. По уже уходящим автобусам с семьями военнослужащих благородные ОПОНовцы открыли огонь. Были ранены три женщины, одна маленькая девочка и корреспондент украинской газеты; одна из женщин вскоре вследствие полученных ранений скончалась. В ходе боя погибли командир 1-го батальона республиканской гвардии майор В. Воронков, прапорщик Л. Толстенко, сержант С. Титовский и рядовой С. Шинков, раненых – двенадцать. Увидев смерть командира, дубоссарские и тираспольские гвардейцы расвирепели, пришли в ярость и, не имея на то приказа, атаковали нацистов в Кочиерах, ворвались в село, расстреляли всех, кого нашли с оружием в руках. Сколько – никто не знает...

Когда к грабежу военного городка присоединились одуревшие от «халявы» и безнаказанности жители местного колхоза «Виктория», под руководством его председателя С. Попа, то не прошло и часа, как городок был опустошён напрочь. Утащили всё, вплоть до оконных рам.

Потом в полк на вертолёте прилетал заместитель командующего 14-й армией, и ему полицаи жали руку. Благодарили за подарок – сдачу полка. Почему одну пилюлю за другой проглатывали российские генералы? Недоставало им казацкого и приднестровского духа.

Захватив территорию военного городка, и село Кочиеры, вооружённые формирования Молдовы начали накапливать силы и при поддержке артиллерии, а также бронетранспортеров расширили плацдарм. Ими была налажена паромная переправа через Днестр у сёл Кочиеры и Новая Моловата. Кроме того, у села Голерканы могли напрямую спокойно переходить по льду замерзшего водохранилища. Чем однажды приднестровцы и воспользовались – договорились с энергетиками, часть воды из водохранилища была спущена, её уровень понизился, лёд треснул как раз в тот момент, когда по нему переходили ОПОНовцы, где-то около роты. В общем, все утонули.

Несмотря на свою мощь, далеко продвинуться «румыны» так и не смогли, чем обрекли левобережные села Кочиеры и Роги, покинутые жителями, на полное разрушение. Постоянно подпитываемый с правого берега техникой и «живой силой», Кочиерский плацдарм бельмом повис над Дубоссарами. Но здесь же военные и полицейские Молдовы, оторванные от своего берега, в безуспешных и до тупости отчаянных атаках, несли просто чудовищные потери!

¹ БПСН – батальон полиции специального назначения

Вообще-то, после кровопролитных весенних боёв ополченцам, казакам и, закалившейся в боях республиканской гвардии, не составило бы труда сбросить «румын» в Днестр и взять те села под свой контроль. Тем более после проведённой серии атак и перегруппировки подразделений, когда были заняты наиболее выгодные позиции таким образом, что «нависли» над противником и оказались хозяевами положения, особенно в районе Кочьер, и были заминированы подходы к позициям. Но выбрасывать «румын» с левого берега не стали, предпочитая «перемалывать» молдавскую армию и полицию частями, вынуждая направлять на те плацдармы все новое и новое «мясо».

Третьего марта 1992 года руководство ПМР объявило в регионе чрезвычайное положение. Каждое утро Приднестровье стало просыпаться под звуки песни «Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой», которую передавали по республиканскому радио вместо гимна!

Взять Дубоссары сразу «в лоб» у «румын» не получилось, окружить, ударив севернее и южнее – тоже. Тогда на Голерканской горе, что напротив Дубоссар, была установлена артиллерия, она ударила по городским кварталам. Обстрелы левобережного стратегического шоссе также усилили, но они не дали желаемого результата. Война за эту дорогу, соединяющую Тирасполь с блокированными с двух сторон Дубоссарами, велась с начала весны. Артиллерия и снайперы с правого берега отстреливали на шоссе не только автомобили, но и отдельных пешеходов, велосипедистов.

Но Кишинёву этого было недостаточно. И тогда четырнадцатого марта на левый берег из Вадуллуй-Водэ, переправившись по Пытырскому мосту через Днестр, в район сёл Кошница, Пытыра и Дороцкое двинулись крупные силы ОПОНа Молдовы – свыше трёх тысяч бойцов. Малочисленные подразделения казаков и гвардейцев в ходе боя понесли потери и были оттеснены на восток, закрепились на рубеже, проходящему по шоссе Тирасполь-Рыбница. Сёла Кошница и Пырыта были захвачены ОПОНам. Само понятие «Кошница» с тех пор имеет для казаков особый смысл. Оно стало символом стойкости, отваги и славы казачьих подразделений.

Село Кошница расположено в середине длинного и узкого «полуострова» (или «языка»), омываемого излучиной Днестра. Ближе к основанию «языка» находятся сёла Дороцкое, Погребя, Держжинское. Оборонять «язык» по всему периметру не было ни сил, ни средств. Кроме того, «язык» мог насквозь простреливаться со всех сторон правобережьем, что повлекло бы большие потери в случае сосредоточения там большого количества войск.

Вообще-то, приднестровское командование решило показать агрессору боевые возможности своих вооружённых формирований – что в любое время могут выбить ОПОНовцев из Кошницы, сбросить их в Днестр. Такой приказ поступил шестнадцатого марта. Задача была выполнена – ротой гвардейцев и двумя казачьими сотнями Кошница была отбита, но по известным уже причинам семнадцатого марта был отдан приказ оставить её. Казаки, не зная о планах командования, были очень недовольны, искренне жалели об уходе.

В сложившейся ситуации военное командование ПМР учло опыт боевых действий, проходивших здесь в 1941 году. Чтобы вновь не попасть в «кошницкий мешок», было принято решение закрепиться на рубеже «шоссе Тирасполь-Рыбница». Это предотвращало нанесение удара по Дубоссарам слева и Григориополю справа. Так на «Приднестровском фронте» появился ещё один Кошницкий плацдарм. Полиция и молдавская армия с особым упорством и ожесточением перешли к прямым непрекращающимся атакам южнее и севернее Дубоссар, во что бы то ни стало, пытаясь перерезать дорогу и сомкнуть кольцо вокруг города. Шли ожесточённые бои, потери приднестровцев росли с каждым днём. В те дни люди к ведению боя ещё не были достаточно подготовлены, у кого-то не было даже стрелкового оружия, не говоря уже о противотанковых средствах. О бронетехнике и не знали. Усугубляли ситуацию отсутствие средств связи, разнородность подразделений и неслаженность их действий.

Приднестровцы, тем не менее, упорно сражались. Жертвовали собой, совершали чудеса храбрости, стойкости, мужества. Побеждали. Зачастую одной силой духа. Если же удавалось вооружиться, как следует, гнали и преследовали врагов лихо, с помпой и шумом. Алексей постоянно навещал раненых, с каждым успевал побеседовать, вникнуть, так сказать, в суть их настроения, определить, что у кого на душе. Запомнился гвардеец, которому ампутировали голень. Невысокий крепыш, с усиками, кучерявый. По национальности молдаван-русский-украинец. Всех в родне набралось. Лежал он тогда не в

госпитале, а в какой-то больничке Тирасполя. Алексей ездил в столицу по неотложной надобности, до того неотложной, что сейчас и не вспомнить. В те дни все дела можно было считать неотложными.

Чем обратил на себя внимание раненый? Конечно же, не тем, что ампутирована голень. Мало ли таких насмотрелся. Нет. У гвардейца в лице светилось нечто доселе не встречавшееся, отчего Алексей уверовал не только в победу Приднестровья, а и в высший смысл вообще существования этого маленького государства. Кто-то, помнится, спрашивал:

– И как ты теперь? Без ноги-то. Что дала тебе эта война и эта твоя возможная победа? Не отрастёт ведь.

Молодой совсем. Лет в районе тридцати. Конечно, небезразлична ему была такая непоправимая потеря, кто поспорит. Но гвардеец не то, чтобы горевал, а наоборот, как-то, пусть даже не совсем уместно оно прозвучит, радовался, даже горд был. Посему и ответил с высоким в интонации голоса достоинством:

– Война есть война, что ж вы хотели.

Это его «что ж вы хотели» запомнилось особенно. Да, они такие, приднестровцы. Южные, горячие, несгибаемые, гордые, себялюбивые, вспыльчивые, драчливые, иногда даже хамоватые, но необыкновенно жизнерадостные и неподкупные в чувствах. А уж в любви-то... Отдельные романы и повести – любовь приднестровца.

Спустя годы, правительство ПМР не забудет своих защитников. Инвалидам войны предоставят квартиры, на одну из юбилейных дат каждый пострадавший от агрессии Молдовы в подарок получит автомобиль. Подрастёт новое поколение, в нравственном отношении заметно отличающееся. В лучшую, естественно, сторону. Ибо приднестровские дети растут и развиваются в условиях иной энергетики, освящённой историческим подвигом отцов, матерей, дедов. Подвигом и достоинством победителей.

«Нужно больше расстреливать. При самом незначительном сопротивлении со стороны населения – расстреливать на месте. Фамилии казнённых обязательно публиковать. Пусть все знают, что мы играем всерьёз и по-крупному. Население Бессарабии нужно подвергнуть тщательной проверке. Подозрительных и тех, которые выступают против нас, нужно уничтожить... Ни один еврей не должен оставаться в сёлах и городах, их следует интернировать в лагеря... Особо опасных – расстреливать... Превыше всего – интересы румынского государства! И эти интересы требуют выкачивать из Транснистрии как можно больше для покрытия экономических нужд войны и, особенно для проведения будущих операций, чтобы мы могли прокормиться за её счет!» (*Маршал Антонеску. Центральный Архив Республики Молдова*).

Поэтесса Леонида Лари, она же Любовь Йорга, в 1989 году тоже стала народным депутатом СССР. Во время предвыборной кампании провозгласила: «Пусть у меня будут руки по локти в крови, но я вышвырну оккупантов, пришельцев и манкуртов за Днестр из Транснистрии. И вы – румыны – настоящие хозяева этой многострадальной земли, получите их дома, их квартиры вместе с их мебелью. Мы их заставим говорить по-румынски, уважать наш язык, нашу культуру». Именно с этой программой она пришла в Верховный Совет.

Писатель Бершин описывает одно реальное событие – событие откровенно шизофреническое, словно вынырнувшее из оккультных времён средневековой Германии: «Перед памятником совершается обряд бракосочетания. Им руководил православный священник. Уже не совсем юная невеста красовалась в роскошном белом платье под фатой. Рукава некоторых из окружавших её людей были украшены расшитыми национальным орнаментом полотенцами. И только жених не был ничем украшен. Он стоял с сумрачным и неприступным видом, видимо не до конца понимая, что происходит.

А происходило вот что. Молдавская поэтесса Леонида Лари, заявив, что возрождение нации дороже собственных детей, развелась со своим русским мужем, с которым нажила двоих ребятшек, и решила выйти замуж за памятник Стефану Великому. Толпа всё воспринимала всерьёз. Священник (как позже выяснилось, это был не просто священник, а ещё и депутат Верховного Совета СССР по фамилии Бубуруз) постучал обручальным кольцом по постаменту, затем надел это кольцо на палец Леониде и объявил «молодых» мужем и женой. Толпа радостно приветствовала новую семью. Оркестр исполнил свадебную молдавскую мелодию. Я не выдержал и засмеялся. И в ту же секунду ощутил страшный удар в лицо. Даже не успел сообразить, кто его нанёс. В глазах потемнело»...

«Те, кому не дано было свидетельствовать, свидетельствовали. Те, кому Господь не дал таланта, равного таланту Гёте или Толстого, сами назначали себя гениями. А тот, кто попытался усомниться в их гениальности, стал врагом. Народный Фронт, скроенный по образу и подобию КПСС, исповедующий животный национализм, возглавили, как это ни печально, писатели и журналисты – И. Хадырке, Г. Виеру, Д. Матковский, А. Цуркану, В. Нэстраре, Л. Лари. Участвовал в пропагандистских акциях, к моему великому сожалению, и Ион Друцэ.

И это они, писатели, придумали и напечатали в газете «Цара» «Десять заповедей бессарабского румына», словно переписав у идеологов фашистской Германии. В этих заповедях проповедь национальной исключительности приобретает уже гротескные формы. Одна из самых забавных гласит: «Не торопись связывать свою судьбу с человеком другой нации. Скрещивание улучшает лишь породу животных. А людскому роду вред наносит».

«Многолетняя политика искусственного выращивания национальных литератур наконец-то дала плоды. Те, кому внушили, что они должны писать, написали. Стихи и проза большинству из них не принесли всемирной славы. А ведь так хотелось. Впрочем, хотелось, видимо, не изнурительного литературного труда. Хотелось стать глашатаями народной воли. А слово здесь, конечно же, лучший помощник».

«Вот, скажем, актер Михай Волонтир, звезда маскульта советских времён – фильма «Цыган», особенно любимого советскими женщинами-мещанками. В молдавском парламенте с буквально перекосенным от злобы лицом он не мог говорить ни о чём, кроме «проклятых русских оккупантов». Провинциальные приднестровцы смотрели на него во все глаза, не позволяя себе поверить, что их кумир – их враг.

Упорное замалчивание российской «демократической прессой» и российскими официальными СМИ событий в Молдавии очень помогло, как выяснилось, этому фашиствовавшему актёру: поразившему в своё время приднестровских депутатов гневными речами о русских оккупантах. Михай Волонтир по-прежнему живёт в Бельцах. Фильм «Цыган» продолжают показывать по российским телеканалам, и... улыбка Волонтира всё так же чарует россиян. Совсем недавно актер серьёзно заболел, ему нужна была срочная операция. Но, конечно же, не было денег. И вся Россия – не Молдавия и не Румыния – вся Россия собирала деньги на операцию любимому актеру. И собрала. И операцию сделали в Петербурге».

Евгений Дога, известный в России молдавский композитор¹, писал: «Интернационалисты, приехавшие сюда, сами не зная откуда, пытаются разлучить нас с родителями, сёстрами и братьями, с могилами наших предков... А кто же они, эти иваны, не помнящие родства, так называемые русскоязычные? Единственное, что у них осталось – это исковерканный язык... Вы же, лидеры Приднестровья, занявшие руководящие посты путём лжи и обмана, с помощью угроз в адрес честных людей... что вы защищаете, чего вам не хватает, что вы ещё хотите от нашего бедного крестьянина... Вы вошли в построенные им дома... Сегодня вы лишаете его света, угля, пенсии, если он не согласен быть предателем своего народа и поднять руку на так называемую приднестровскую (именно с маленькой буквы) республику, созданную по вашим неосталинистским воле и желанию...»

«Мирча Друк, Леонида Лари, Григоре Виеру и Ион Косташ² нашли пристанище в Румынии. По крайней мере, в Молдавии их не видят. Не приезжают. Может быть, боятся, что кто-то призовет их к ответственности. Хотя зря боятся. Народу не до них. Молдавский народ слоняется по миру в поисках заработка, потому что в самой Молдавии всё разрушено, западные кредиты проедены и разворованы, долгов – два миллиарда долларов, и что делать дальше – никто не знает... Композитор Евгений Дога больше никаких обращений не пишет. Иногда сочиняет музыку и жалуется на жизнь. Ион Друцэ тоже живёт негромко. Время от времени в московских журналах появляется его новая проза, написанная в Москве на Ломоносовском проспекте, где он живёт уже много лет. Сюда же вернулся и Эмиль Лотяну³. Узнав несколько лет назад, что киностудия «Молдова-фильм» превращена в мастерскую по изготовлению гробов и памятников, он покинул Кишинёв, патетически воскликнув: «Здесь ещё долго не будет расти трава!»

¹ Евгений Дмитриевич Дога, автор музыки открытия и закрытия олимпиады 1980 года в Москве, к фильмам «Мария Мирабелла», «Мой ласковый и нежный зверь», «Табор уходит в небо» и др.

² Ион Косташ – в 1992 году министр обороны Молдовы.

³ Эмиль Владимирович Лотяну – молдавский советский режиссёр. Фильмы: «Анна Павлова», «Мой ласковый и нежный зверь», «Табор уходит в небо».

Бершин напишет своему другу в Германию:

«Я вот теперь приезжаю в родную редакцию «Литературной газеты» прямо из приднестровских окопов и стараюсь честно писать то, что увидел. И что ты думаешь? Люди, которые не покидали своих кабинетов, лучше знают, как там, на фронте обстоят дела. И рассказывают мне, как надо правильно писать. Если я не соглашаюсь, они для меня находят интересные мифологические прозвища. Спервоначально, честно тебе, Мартин, скажу – обижался. Горячился. Никак не мог понять, почему мои коллеги считают недавнего первого секретаря ЦК Компартии Молдавии Мирчу Снегура демократом, а недавнего директора завода, исключённого тем же Снегуром из партии Игоря Смирнова¹ – отъявленным коммунистом. Я не мог понять, почему Народный Фронт Молдавии, переписавший свою программу у Антонеску и Геббельса, они считают демократическим, а рабочих, не пожелавших по этой программе жить – сплошь коммунистами. Не мог понять. И был не прав.

Действительно, чего уж тут непонятного. Иуды пайку отработывали. Им поступило «сверху» указание: придумать объяснение, как и почему воровать и приватизировать – хорошо и экономически целесообразно. А всё, что воплощению в жизнь этого указания мешало, надо было либо оплевать, либо замолчать. Поэтому, естественно, коллективное письмо столичных журналистов, находившихся в Приднестровье, о том, что же на самом деле в Молдавии и Приднестровье происходит – письмо, сочиненное украинцем, армянином, азербайджанцем, поляком, евреем и двумя русскими, форменный Интернационал! – не было напечатано ни одной московской газетой – включая «Литературку», «Московский комсомолец», «Московские новости» и «Собеседник», чьи корреспонденты подписались под этим письмом.

Зато вовсю публиковались в «демократических СМИ» профашистские измышления тех журналистов, кто приезжали с готовыми формулами в голове. Они и на передовой-то не появлялись. Писали, не выходя из Тираспольской гостиницы. Формулы противостояния, по их мнению, были простыми. С одной стороны (молдавской) – сплошь демократы, с другой – сплошь коммунисты. С одной стороны – борцы за свободу, с другой – страшные щупальца империи. Доходило до смешного. К одному из лидеров Дубоссарской обороны, отвечавшему за информацию и работу с прессой, Виктору Дюкареву приходили журналисты и первым делом строго спрашивали, почему он до сих пор не вышел из КПСС. Им и в голову не приходило, что он в ней никогда не состоял. Но почему в тот момент их интересовало именно это? Не безвинно убитые люди, не разрушенные дома, не снаряды, упавшие на детские сады и школы? А на страницах издававшейся тогда на деньги ЦРУ парижской «Русской мысли», которая каким-то чудом попала в приднестровские окопы, я прочёл уж совсем уникальную статью о приднестровской войне: известный историк Александр Некрич освещал её, не выезжая из Бостона. Разумеется, всё по той же схеме».

«У наших интеллектуалов теперь новое развлечение. Во всех газетах и журналах спорят о том, выпали ли мы из цивилизации, а если выпали, то куда и как надолго. Все сходятся на том, что всё-таки выпали, и надо туда вернуться. Скажу честно, ничего в этих спорах не понимаю. Я не понимаю, куда и откуда выпал.

Моя цивилизация – это Пушкин и Мандельштам, Блок и Ахматова. Моя цивилизация – Чехов и Толстой, Левитан и Шагал. Моя цивилизация – это добро и зло нараспашку, слитые воедино, как и быть должно. Это щемящая музыка – от молдавской и еврейской до грузинской и русской. Это февральский снег. Это побагровевшая на свежих утренниках рябина. Это Невский проспект и Арбат, Дерибасовская и Тираспольские набережные. Это Волга и Днестр. И я из этой цивилизации никуда не выпадал. А современные телефоны, автомобили, отели, биржи, унитазы – это не цивилизация. Современное оружие – с лазерным наведением, сплошь компьютерное – не цивилизация. Видели бы вы, как «цивилизованно» оно стирает с лица земли целые города. Это не цивилизация. Это – безумие.

Наш мир, Мартин, стал циничным до неприличия. Ну, о каких правах человека вы там рассуждаете? О каком гуманизме? Поздно говорить о правах человека, когда человека уже убили. Его нет, понимаете? Нет *Homosapiens*. Есть Человек воюющий. А у войны другая этика, другая мораль, другие законы. Война живёт инстинктами. А инстинкт повелевает стрелять первым, потому что хочется выжить. Надо выжить.

¹ Смирнов Игорь Николаевич – первый президент Приднестровской Молдавской Республики с 2 сентября 1990 года по 30 декабря 2011 года.

Воевать милосердно в наше время нельзя. Война – это массовое преступление, перешагивание через запреты, в результате чего погибают все – победители и побеждённые, живые и мертвые... мир вроде бы не воюющий и мир воюющий живут по одним и тем же законам. Война – сконцентрированное выражение мира, его правил и его инстинктов. Война, Мартин, даже чище, потому что все человеческие пороки и достоинства в ней обнажены, неприкрыты. Мир невоюющий точно так же убивает, но только другими средствами. Мир невоюющий прикрывает свои убийства им самим выдуманной моралью и пропагандой. Мир невоюющий постоянно находится в состоянии войны, потому что им... правит беспринципная выгода и основанная на ней политика. Поэтому мир невоюющий беспрестанно подталкивает к кровопролитию невинных и неразумных сих.

Вывод прост... Все мы живём уже в постчеловеческую эру».

11

Алексей, когда отъехали от круга и свернули на объездную, затих. Молчал и дядя Ваня. Проезжали места боёв, земля словно ждала их, дышала по-особенному. Это чувствовалось. Дубоссары остались позади. Через пару километров Иван свернул на обочину.

– Пройдёмся? Смотри, орехи уже сформировались. Надо будет съездить, набрать. Ленка к твоему отъезду варенье сварит.

– Из орехов?

– Впервые что ли слышишь? Всю жизнь варим.

– Ну и как, вкусное?

– На любителя. Едим с удовольствием.

– Обязательно съездим, помогу, как смогу. Самому интересно.

– Лёш, смотри-смотри... Окопчик! Да вон, под орешинами. Зарос-то как, не виден почти.

– Дубоссарцы стояли? Или наши... А вон ещё, и ещё, – Алексей чуть ли не бегом двинулся вдоль придорожной ореховой посадки. – Вань, «эскарп»¹ вроде.

– Точно. Танк был врыт. Да, это наши тут оборону держали.

– Откуда танк-то взялся?

– Э... Почём я знаю? Где-то здесь Витьку Черницина снайперской пулей убило. Говорили же, не высывайся...

– Тогда ведь этого снайпера, насколько помню, и накрыли?

– Не снайпера, снайпершу. С напарником в пшеничном поле замаскированная колосьями залегла, кобра гадючья, жертву выслеживала. Командир, когда у Витьки мозги по стенкам окопа разлетелись, затрясся, приказал всеми имеющимися огневыми средствами ту пшеницу прополоть. Угадал-таки...

– Сами едва под арналёт не попали. Как зайцы, улепётывали. К ним накануне вечером молдавничик приходил с той стороны, вина канистру принёс. Напустил елею, собака. Чего мы тут делим, ребята, мы же братья, давайте прекращать эту бессмысленную бойню, сирот и вдов плодить. Бла-бла-бла... На следующий только день дошло: арткорректировщик то был, ориентиры запоминал. Наши за чистую монету приняли, расслабились.

– Чего уж говорить-то. Хлопали ушами, было такое. Ты вспомни, как они во время объявленного перемирия администрацию обстреляли...

Это было шестого июля. Дежуривший в тот день по горисполкому Борис Иванович Марченко, генеральный директор Рыбницкого цементно-шиферного комбината, выслушав сообщение по телефону, трясущимися руками долго будет пытаться налить стакан воды. Потом сделает короткую запись в журнале, в половине шестого вечера. Беда, как известно, не ходит одна. В половине двенадцатого он в том же журнале запишет ещё одно сообщение, об обстреле реактивной артиллерией мирного села Цыбулёвка. Много убитых, раненых из числа гражданского населения. То отдельная повесть. В краеведческом музее Рыбницы собраны экспонаты, от которых волосы дыбом встают. Годами из памяти увиденное не уходит... Установками залпового огня по женщинам и детям... Весёлый, песенный народ... Откуда же такая варварская кровожадность?

¹ В действительности эскарп представляет собой противотанковое земляное или инженерное сооружение. Приднестровцы применяли этот термин жаргонно для специального окопа под танк, БМП или БТР.

Шестого июля в 1992 года в здании Дубоссарского горсовета собрались на совещание руководители городских предприятий. Настроение было приподнятое, потому что накануне заключили соглашение об очередном прекращении огня. Опять поверили. И стали обсуждать вопросы восстановления городской экономики и коммунального хозяйства. Обсудили. Двинулись к выходу. Когда всей группой вышли на крыльцо, в него угодил снаряд. Мёртвых руководителей по частям раскидало по земле, по деревьям и кустарникам. Восемь человек. Или всего восемь. У войны своя арифметика. Потом собирали по частям директора завода по ремонту и обслуживанию техники Степана Покопило, начальника стройорганизации МСО-2 Вячеслава Додула, председателя райпотребсоюза Наталью Луполову, директора агротранса Геннадия Кузнецова, начальника коммунального хозяйства ПУЖХ Рафаэла Гареева, директора райзаготконторы Василия Радовского, директора горторга Илью Гуриченко и директора хлебозавода Галину Марченко. Собрали и похоронили. Вместе с планами экономического возрождения Дубоссар.

Всего лишь одним гаубичным снарядом обезглавить городское руководство! Заслуженных, опытных, не один год положивших на общее дело людей. Великолепно сработала вражья разведка, блестяще провёл корректировку стрельбы один из лазутчиков. А разве трудно? Никто никого не хватал. В застенки не упрятывал. Не смотря на военное положение. Какой-то особой охраны у горсовета не было. Подходи, пожалуйста, корректируй. Хочешь, миномётом, хочешь гаубицей миллиметров этак сто двадцать два, чтоб сразу, одним махом. Что и сделали. Под прикрытием соглашения о прекращении огня.

И это после трагедии, случившейся девятнадцатого июня и повергшей в шок не только Приднестровье. По отработанной схеме, под прикрытием «Соглашения о прекращении огня и разведении сторон». Пока наши добросовестно оголяли участки соприкосновения, уводили из городских кварталов батальоны гвардии и ополчения, молдавские военные концентрировались на подходах к городу, особенно в Гербовицком лесу. Интересно, что многие молдаване с семьями за день до вторжения покинули дома и смылись.

Бронетехника ворвалась в Бендеры практически безнаказанно. Боевые формирования, как обычно, состояли из всякого сброда, в том числе уголовников, асоциальных элементов, решившихся на участие в войсковой операции с целью обогащения, то есть грабить. В подбитых бэтэрах гвардейцы обнаруживали похищенную со складов продукцию трикотажной и обувной фабрик, имущество из разграбленных домов.

Стреляли во всё, что имело признаки жизни. Даже в кошек и собак. Не щадили ни стариков, ни женщин, ни детей. Это была циничная месть Снегура и Косташа за мартовские сумасшедшие потери под Дубоссарами. Девятнадцатого июня в школах проводились выпускные вечера. В одну из школ ворвались вооружённые косташевцы с перекошенными лицами и по всему уже вкусившие безвинной крови. Убили всех, учителей, мальчишек, пытавшихся защищать одноклассниц, которых тут же хладнокровно изнасиловали, после чего без малейшей жалости перестреляли. На городской площади молдавский «бэтэр» открыл огонь по пришедшим сюда для празднования выпускникам. Из крупнокалиберного пулемёта. Белые платья в вечерней полумгле смотрелись, как разбросанные хризантемы. Тут же лежали родители, в лужах крови отблёскивали огни выстрелов и первые звёзды подходившей с востока июньской ночи.

Гвардия и ополчение вернулись на позиции в общем-то оперативно. И дрались так, словно смерть была не про них. У кого кончались патроны, кидались в рукопашную, рвали нелюдей зубами, кололи штыками, душили руками. Утолить гнев не удавалось. В ходе Бендерского сражения напавшие были практически уничтожены. Отловили всевозможных снайперов и диверсантов, с которыми очень-то не церемонились. И всё равно чувство ненависти не уходило. Многие бойцы устраивали вылазки в тыл к молдаванам, в плен естественно не брали, уничтожали на месте. Зверели и молдаване. Смерть хозяйничала в городе Бендеры. Стояла страшная жара. Не убранные трупы представляли эпидемическую угрозу. Председатель горисполкома Когут распорядился хоронить погибших на месте, в скверах, на клумбах, там, где можно было вырыть могилу. Город превращался в огромное кладбище.

Обнаглевшие вояки с правого берега пытались использовать даже авиацию, двумя МИГами вместо моста на Тирасполь разбомбили несчастные Парканы. Мирное село. Румынские лётчики позорно скрылись.

Участились провокации против четырнадцатой армии, даже обстрелы мест её дислокации начались. Но армии было запрещено отвечать и вмешиваться. Пока не появился в Бендерах некий полков-

ник Гусев, принявший на себя командование и умелыми решительными действиями растащил-таки дерущихся по заранее оговоренным позициям. А между ними разместил миротворцев. В основном это были российские военные. Для протокола, конечно, запустили украинцев и представителей самой Молдовы. Убийство людей на берегах Днестра таким образом Лебедь, наш полковник Гусев, прекратил. Русский генерал с такой красивой фамилией стал национальным героем Приднестровья. Ему памятник поставили, у мемориального комплекса, что в честь погибших бендерчан. «Вы пали в боях, но вы не забыты. Вас помнят не только гранитные плиты».

Искрящийся в лучах Днестр наконец-то вынырнул из густых зелёных зарослей далеко внизу, где располагался микрорайон металлургов, вытянувшийся многоэтажными красавцами домами вдоль улицы Вальченко. Проскочили величественное, выполненное из нержавеющей стали, название РЫБНИЦА, огромные с метр высотой буквы на железобетонном основании в виде расправившей крылья птицы. Раньше, чтобы спуститься в долину, требовалось проехать на тормозах по узкой бетонке между изгородей частных подворий. Утомительное и опасное занятие. Теперь в город вела другая трасса, по новому мосту, который начали строить ещё в советские времена, война перечеркнула все планы. И храм возвели уже после. Так ведь и стоял в виде металлического остова, поржавевшего с годами. Сейчас это великолепный собор с позолоченными сверкающими как днём, так и ночью куполами, красота, блеск и гордость рыбничан. Стоит, между прочим, в соседстве с католическим собором. Тоже красивым. Никого это не раздражает.

– Лёш, признайся, соскучился?

– Что ты спрашиваешь...

– Да вижу. Сейчас расплачешься.

– А я не стесняюсь. Могу пустить слезу, еле сдерживаю, между прочим.

– Сейчас по паре стаканчиков вина пропустим, успокоишься. Мне самому твоё волнение передалось, аж в глазах защипало. Лена такие мититеи приготовила, м-м-м... Голубцы, вертуты, плаинды и всякого другого.

– Притормози у базарчика, цветов куплю.

– Да ладно, не надо...

– Не будем тратить слов понапрасну, товарищ. Исполняйте, коль полковник приказывает.

– Слушаюсь, командир. А ничего, что с Вами замминистра разговаривает?

– Как? Вас ещё не посадили?

– Типун тебе на язык, полковник. На большую мозоль...

– Расскажешь?

– Как-нибудь, так и быть, только бы не позабыть... Вон цветочницы сидят, выбирай, что приглянулось. Розы, калы, хризантемы, гладиолусы, астры, чего только нет. Выбор царский. Были б гроши, я купил ещё б калоши...

– Лена, помнится, розы любит.

Парой стаканов, естественно, не обошлось. Набежало полон дом гостей, родня и близкие, хорошие старые знакомые. За полночь сидели, и ничуть не опьянели. Обнимались, целовались, без умолку болтали.

В восемь утра Елена разбудила, сообщив, что дядя Ваня пару часов назад укатил в Тирасполь, его неожиданно вызвало руководство.

– Почему печаль в голосе? – Алексей расставался со сном неохотно, успел заметить, что жена Ивана расстроена.

– Не нравится мне этот вызов. Иван даже завтрак не стал.

– Что там у него случилось? Вчера намекнул, но...

– Кто-то подсиживает. Анонимки руководству приходят с грязными обвинениями. Наверно, должность для кого-то хотят освободить. Я ему не раз говорила: уходи из министерства, добром не кончится. Ваня-то мой, человек простой, без хитростей, привык, чтоб всё по справедливости, по букве закона.

– Теперь понимаю, солнышко. Там все люди братья, но не все по разуму. Ваниных лучших душевных качеств оказалось недостаточно? Правительство как-никак. Жрецы, тайные скрижали... Высшее

руководство в условиях блокады вынуждено крутиться. Ситуация такова, что от чиновников требуются хитрость, изворотливость, даже подлость, приходится поступаться принципами. Чтобы выжить, предугадать замыслы врагов, которых, я думаю, отнюдь не убавилось. За независимость надо платить. Слава Богу, не кровью, как в девяностых. А какой дядя Ваня интриган? Да и дипломат из него слабенский.

– Вот, Алёшенька, то же самое ему твержу. Боюсь за него.

– Даже так? Нет, я думаю, до этого не дойдёт. Времена не те.

– Так считаешь? Разве времена не одинаковые всегда?

– Пожалуй, ты права. Но не арестуют же. Или был повод?

– На этой должности, Алёша, все нюансы трудно предугадать. Там такие матёрые служат, о-о-о...

Ты бы поговорил. Он твоим мнением очень дорожит.

– Обязательно. Когда вернётся, не сказал?

– Сам не знает, – Лена наморщила лобик, вздохнула, потом улыбнулась. – Пойдём, чаем напою.

Кушать будешь?

– О, нет-нет. После вчерашнего застолья неделю, наверно, есть не захочу. Но от чая не откажусь.

Ты работаешь сегодня?

– Да, мне, если честно, уже пора.

– Тогда я быстренько. Провожу? Ты всё там же, в газовой конторе? Потом по городу погуляю.

Божественное по красоте утро стояло. Жара ещё не наступила, с Днестра веяло свежестью. Повсюду что-то душистое цвело, Алексею голову кружило от запахов. Но не только от них. Молодые рыбничанки, кто в коротеньких платьицах, кто в брюках или джинсах, красивые, стройные – просто сводили с ума. Даже неудобно как-то делалось, нельзя же так таращиться откровенно. Лена только посмеивалась.

Вдруг послушался гул мотора и характерный звук рассекающих воздух лопастей. Над рекой вспорхнула белая птичка, у которой грузоподъёмность была, насколько Алексей помнил из армейской жизни, тонн сорок или больше. Ничего себе, это же МИ-26! Откуда здесь?

– Иван не рассказывал? – Лена рассмеялась на столь искреннее удивление. – «Канатку» демонтируют. МЧС России уже не первую неделю трудится.

– Это какую «канатку»; ту подвесную дорогу, по которой щебёнку из Резины на цемзавод ваго-нетками таскали?

– Ну да.

– Колоссально! Так я туда побегу. Такое не каждый день увидишь. Эх, фотоаппарат не взял. На телефон попробую снять.

– Близо не подпустят, Алёша. Всё оцеплено. Как у нас, так и на том берегу. Молдавская сторона упёрлась, ни в какую не разрешила базироваться в Рыбнице. Вертолёт в Кишинёве паркуется. Заправляется там же.

– Помню, каждый раз, когда под этой «канаткой» проезжал, всё ждал, что каменюка какая-нибудь в лобовое постучится. Хоть там и сетка металлическая.

– Я слышала, сегодня её будут уже взрывать. До этого «болгарками» спиливали, там, где частный сектор. Парни из МЧС осторожно работают. Жители не могут нарадоваться. Говорят, давно таких аккуратных и мужественных ребят не встречали. Помогают им, компотами угощают, соками. Вино, конечно, россияне отказываются брать. Железная дисциплина.

– Интересно, как решились вообще такое допустить?

– Молдавия? Дело в том, что дорога опасной стала, как у них, так и у нас. Давно стоит, железо стареет, ржавеет. Кроме того, объявились любители металлолома, с риском для жизни распиливают, тащат в пункты приёма, отчего опасность ещё больше. Было совещание в Кишинёве. Наше представительство, МЧС России. Конструктивно работали. Всегда бы так. Между прочим, сегодня телевидение снимать будет взрывные работы. Тебе лучше пробраться к холму со смотровой площадкой, что недалеко от завода.

– Знаю, где это. Спасибо тебе, Ленуца, за информацию. Однако, мы пришли? Ну что, до вечера?

– Обедать жду. В час дня.

– Не беспокойтесь, хозяйюшка, голодным не останусь. Наверно, не получится к часу-то. Вечером покушаем, все вместе. Надеюсь, Иван невредимым вернётся?

По всей дороге в сторону цемзавода шлёндрали уймы народу. Перед самой «канаткой» оцепление. Алексей подошёл к стоявшему в тени орешины капитану милиции. Поздоровался, показал удо-

стование. Разговорились. Капитан поведал подробности. Действительно, на сегодня планировали взорвать тросы у одной из опор на нашей стороне, а позже саму сеть над рекой. Причём замысловато, сразу в нескольких местах, чтоб упала в Днестр пятью или шестью фрагментами. Так их будет легко извлечь. Во время разговора милиционер окликнул проходящую мимо них пожилую женщину:

– Тётя Рай! Можно тебя?

– А-а-а, здравствуй Егорушка, – она протянула руку, поздоровалась с капитаном, взглянула мельком на Алексея, улыбнулась, будто знакомым ей показался. – Помню этого молодца, в гвардии нашей служил. Верно? У меня сынок с тобой воевал вместе. Майор! А ты тогда ещё капитаном был, верно?

– Тётя Рая, – Алексей растрогался до волнения души, – а кто, кто Ваш-то?

– Этот, как ты говоришь, молодец уже полковник, тётя Рай, – рассмеялся милиционер, – вот приехал погостить, родные места тянут.

– Начальником штаба в батальоне служил сынок мой. У Павла Степановича.

– Как у него со здоровьем, помнится, туберкулёзом переболел?

– Война закончилась, болезни ушли. В Москве сейчас живёт, бизнесом занимается. К себе зовёт, но куда мне. Здесь моё место, родилась и помирать тут буду. Рыбницу никакая Москва не заменит. Да и возраст не тот.

– Расскажи-ка про вагонетку.

– Про вагонетку? Хорошо, меня дома не было. Прямо в огород прилетела, окаянная. Весь урожай погубила. Это что, соседу вообще гружёную нечистый послал. Приходит с работы, а в крыше дыра, заходит в кухню, там она и стоит, с щебёнкой. А сколько машин покалечило камнями. Сетка-то худая совсем. Молодцы россияне, избавят, наконец, от напасти. А то уж и не знали, как дальше быть. Все уговаривают съезжать, пока целы. А куда? Пойдёмте, хлопчики, компотиком кизилловым угощу.

– А что, полковник, пойдём. До взрыва ещё часа три. Через час эвакуировать начнут.

– И когда же такую махину россияне планируют демонтировать окончательно?

– По плану где-то числа двадцатого сентября. И это, поверь мне, очень даже быстро. Работают парни за пятерых. Такие, право, молодцы...

Действительно, через час прозвучала сирена. По дворам пошли наряды милиции, жители с пониманием дела, выходили, собирались, где велено было, кто с котомочкой, кто с чемоданчиком. Вертолёт метался над сооружением ещё с полчаса, потом где-то сел на том берегу. Капитан пожал руку и убежал по делам. Алексей поднялся на холм.

Минуты потянулись, как при всяком ожидании. В предполагаемое время подрыва не состоялось. Отложили на час. Потом ещё на час. Над рекой поднялся ветер. Эмчезовцы проверяли и перепроверяли каждую мелочь. Всё так серьёзно... Алексей заметил на молдавском берегу, где была такая же смотровая площадка, группу журналистов с камерами.

Наконец, прозвучала сирена, мачты опустели, люди разошлись по укрытиям. Протянутая над рекой сеть, вес которой, как сказал капитан, составлял около пятидесяти тонн, раскачивалась ветром, слышался скрип. Жутковато...

Около десятка ослепительных вспышек одновременно разорвали её на пять частей, которые, словно великанские паутинки, плашмя хлопнулись о воду, подняв на всю ширину русла буруны и фонтанчики брызг. И скрылись под водой. Но это ещё не всё. Решено было сразу же подорвать тросовую подвеску одной из опор. Специально для телерепортёров решили усилить зрелищность, примотав скотчем к зарядам по полторашке бензина. Ух, как оно рвануло! В полнеба вспышка, грохот такой, что уши заложило.

Тут же над водой завис вертолёт со специальным приспособлением для извлечения со дна фрагментов сетки. Там, в воде, уже всюду орудовали водолазы. Один за другим куски были извлечены и вывезены на берег, куда тут же рванулись репортёры. Сюрприза никто не подозревал, но он уже ждал храбрых ребят из российского отряда МЧС. Телевизионщики успели заснять и всему миру показать. В том сегменте, что вытащили с самой середины, запутался огромный, с метр длинной, жирный карп. Днестр отблагодарил своих избавителей. Разве не волшебство?

Иван так и не вернулся вечером. Звонил, предупредил, что задержится на неделю. По его вопросу намечалось внеочередное правительственное что-то. Типа сессии. Впоследствии предположения Елены подтвердились, дядя Ваня из министерства благополучно вылетел, слава Богу без уголовного дела. Он сумел справиться с мыслями, отмерил, как положено, сто раз и один раз отрезал. По собственному желанию. При этом напугав некоторых высокопоставленных своей осведомленностью. Ивану хвати-

ло ума никому не угрожать, даже прикинуться наивным дурачком, что, в принципе его и спасло. Ему долго жали руку, приговаривая: как жалко, что Вы наконец-то от нас уходите...

Но Алексей о том узнал по намёкам уже из телефонного разговора. Его самого, прервав ему отпуск, вызвали телеграммой на службу. В Республике произошло громкое событие, арестовали главу с замами, за решётку отправился и генерал, при котором состоял Алексей в чине полковника на высокой должности.

Перед отъездом из Рыбницы они с Еленой разговаривали о многом. Про взрыв «канатки» в том числе. Оба усмотрели в этом неординарном событии знаковость. Дорога, связывавшая оба берега долгие годы, однажды перестала функционировать, поржавела, стали никому, кроме воров, не нужной, даже опасной, опоры могли ведь в скором времени рухнуть на дома. И вот Россия – в который раз! – пришла на помощь, прислав самых опытных, самых преданных сыновей устранять смертельную опасность, угрожавшую жизни многих людей, живущих по обе стороны пограничной реки Днестр. Продемонстрировав одновременно и свою мощь, и силу, и мудрость.

Прошло два года. Однажды вечером в дверь постучали, Алексей открыл и остолбенел. Перед ним стоял и улыбался молодой человеком ростом под два метра и с лицом один в один как у Вани Подольского.

– Здравствуйте, дядя Алексей! Вам привет от мамы и папы.

– Не может быть... Андрюша, ты? – Это действительно был сын Ивана, но повзрослевший и вытянувшийся вверх настолько, что Алексей растерялся и не сразу пришёл в себя.

Выцепил его за руку, потащил в комнату. Спихватился, позволил раздеться, усадил в кресло. Потом попросил жену срочно убить на кухню и приготовить ужин. Но Андрей огорошил, что времени у него минут двадцать, не больше. Так как внизу в машине ждут друзья, и ехать им уже надо, а то не получится обернуться даже до полуночи, путь долгий. Оказывается, он приехал к родственникам Елены, что поселились недавно в Ухте, перебравшись из Питера. Временно, в интересах прибыльного бизнеса. До Ухты около четырёхсот километров.

– Мы ещё увидимся, дядя Алексей. Я ведь поступил в Ухтинский университет. Вам отец не звонил ещё? Наверно не успел. Кстати, посылочка от родителей.

– Да? Что там, что там? Ну-ка, ну-ка...

Из пакета на свет явились бутылочка «Квинта», знаменитого Тираспольского коньяка, и две литровые банки с чем-то тёмным, тягучим.

– Андрей Иванович, у меня нет слов. Спасибо, родной. А что в банках?

– Как что? Ореховое варенье. Мы с батей этим летом специально ездили собирать, они только-только завязались. Вы же так и не успели...

Когда Подольский-младший попрощался и ринулся к друзьям, что скучали в машине у подъезда, Алексей, не боясь простыть, вышел на балкон. Внизу заурчал мотор, хлопнула дверца. Глядя вслед удаляющимся красным габаритам, он вдруг ощутил щемящее чувство тоски, ещё не совсем понимая, отчего. «Вы же не успели»... Вот и оно, пришедшее на смену поколение. Мы не успели, наши сыновья, дай Бог, успеют. Так и должно.

К спине тепло прижалась жена, обняла за плечи.

– Между прочим, у твоей дочери завтра день рожденья. Как думаешь поздравлять?

– Сочиню ей стихотворение. Или может до Техаса прокатиться?

– Ну, если ранним утром успеть на московский рейс, то к вечеру будешь в Далласе. Виза ещё не просрочена.

– Никто меня туда не приглашал. Тем паче, что завтра мы с внуком идём на «ватрушках» кататься. Ничего, по скайпу пообщаемся.

– Может, денег по «электронке» послать?

– Смеёшься... У её мужа месячная зарплата, как у меня за год. Нужны они им, копейки наши?

– Ну, тогда пошли пить чай. С приднестровским вареньем. Надеюсь, не горькое? Я читала в интернете, как его готовить. Целая наука, Лёшенька. Почти месяц возни. Орехи две недели вымачивают, варят, промывают и опять вымачивают. Обрабатывают гашёной известью. Потом опять неделю вымачивают, опять варят. В результате получается то самое, что мы сейчас пробовать будем. Очнись, наконец! Ты, как не здесь.

– Да... Сыновья успеют... Приднестровья мы не отдадим!